

When quoting site materials, we ask that you provide the link to the original source that owns the authorship (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) and the title of the project, "Ukrainian Jewish Repatriates in Israel: Jewish Identity in the Context of the Russian-Ukrainian war."

Each particular file should be quoted as follows: UJRI_Number_Informant's initials (e.g., UJRI_001_MG)
Thank you!

При цитировании материалов сайта просим указывать ссылку на источник правообладателя: (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) и название проекта: «Еврейские репатрианты из Украины в Израиле: Еврейская идентичность в контексте войны России и Украины».

Ссылка на индивидуальные файлы: UJRI_Номер файла_Инициалы информанта (н-р., UJRI_001_MG)
Спасибо!

UJRI_012_IL

Inf.: **IL**, F., b. 1954.

Int.: DR

Nahariya, 14.11.2022.

2 hours 27 min.

Примечание: в разговор периодически включается LS, подруга IL.

Int.: ну, вот, значит опрос анонимный, ваша фамилия нигде не будет фигурировать, но, тем не менее, я вас попрошу представиться: имя, фамилия, возраст, профессия.

Inf.: меня зовут IL,

00:01

я 1954 года, мне полных 68 лет, по профессии я экономист. Я заканчивала Ленинградский финансово-экономический институт и до 48 лет работала на экономической работе и была председателем правления Черниговской еврейской общины. Ну и потом директор «Хесед», ушла на пенсию, и мне предложили должность директора. Я очень сомневалась. Ну, в общем, потом согласилась, и так получилось, что я проработала почти 20 лет директором благотворительного еврейского фонда «Хесед».

Int.: с какого года?

Inf.: сейчас скажу. С 2002, 9 октября 2002 года и по окончанию войны, после того как я эмигрировала в Израиль, приехала.

00:02

Тут эмиграция такая, как бы, я считаю, что я приехала к себе домой.

Int.: когда?

Inf.: я приехала сюда 21 марта 2002 года, а выехали мы 13 марта из Чернигова.

Int.: подождите, 2002?

Inf.: 2022.

Int.: если можно, в двух словах, расскажите о вашей семье.

Inf.: в общем, я одна, у меня есть только родной брат и его семья, и они здесь с девяностого года. У них уже здесь родился сын, которому уже сейчас 29 лет. И так получилось, что у меня в Чернигове не осталось никаких родственников. И, когда началась война, они мне сказали, что я должна бросить все

00:03

– и «Хесед», и общину. А я еще, у нас руководителем общины очень долго был SGB. Он уехал еще в 2021 году, и я в общем-то руководила еще еврейской общиной города и одновременно директором «Хесед». Они мне говорят: ты должна все бросить и должна уехать. Тебе уже столько лет, уже хватит! Честно говоря, я хотела уехать еще четыре года назад, когда мне исполнилось 64, но на работе так сложились обстоятельства, что уехать было нельзя. Это не буду рассказывать, как и почему, но в общем, короче говоря, так вот получилось. Ну, и, когда началась война, накануне мне позвонил брат из Израиля, говорит, у нас говорят, что Россия нападет на Украину. Я говорю: да не может такого быть!

00:04

Он говорит: мы тоже с женой думаем, что этого не может быть. Люди, которые жили в СССР и тесно общались с представителями разных республик, разных народов, не могли такое даже представить в страшном сне. И вот вы знаете, у меня все спрашивают, какой был первый день. Убейте меня, я не помню, какой был первый день и что я делала. И вот знаете, вот просто как-то из памяти вылетело все, и «Хесед» уже не работал, на работу никто не ходил, потому что поставили везде блокпосты. Пройти, транспорт не ходил, шли бомбежки, били «грады» с территории Беларуси. И тревога была каждые два часа. Я уже, честно говоря, не спускалась в подвал. Я в ванной, где стенка была

00:05

с подъездом рядом... (звонит телефон) и возьми, L., или это, вот, я уже, это, не спускалась. И я там сделала себе берлогу, такую...

Int.: это в синагоге?

Inf.: нет, я не в синагоге, я дома была. А дело в том, что синагога наша находится как бы на первом этаже девятиэтажного дома, и она ничего не решала, как любой подвал. Вот. Но может покрепче там были стены, все-таки под девятиэтажным домом. Ну, в общем я не была там, я дома была, и потом я с кошкой жила, там были собаки в этой, в синагоге. Приходили люди с собаками, и я не могла кошку туда забрать, и я бросить ее тоже не могу. Я сюда с кошкой приехала.

Int.: вы одна жили?

Inf.: да, да.

00:06

Я жила одна, у меня все, как говорится, было нормально: и пенсия, и зарплата. И хорошая квартира в центре города. Ну, в общем, как бы всё, всё было хорошо, вот. Ну и я, конечно, каждый год сюда ездила, потому что мама с папой в 94 году сюда приехали, вот. Папа умер в девяносто девятом. И я, каждый... мама оставалась, я каждый год сюда к ней приезжала, так что, как бы, Израиль для меня не чужая страна, вроде как второй дом. Даже я иногда говорила, что я еду домой, потому что знаете, как говорят: «где родители, там дом».

Int.: понятно.

Inf.: вот и я вроде как ехала к тебе домой. И так получилось, что 20 февраля мама умерла. Мы с ней одновременно болели коронавирусом, только она здесь, а я там. Мама умерла, и в общем

00:07

все это, так все трагически – и смерть мамы, война, и тот факт, что я не могу помочь подопечным... Телефонный обзвон был, но мы иногда звонили, люди говорили, что им нечего есть. Сотрудники пытались отвезти какие-то продукты. А, нам сказали накануне войны, чтобы мы закупили там 25 пакетов каких-то вот наборов. 25, я уже даже не помню сколько, не очень много. То есть, у нас там в «Хеседе» было немного продуктов, и пытались развезти. Но надо было проехать каждый этот пункт, где стояли солдаты и объясняли, что везем людям... Машина, машины, проехать не могла,

00:08

потому что бензина не было, и на велосипеде мои сотрудники пытались развезти хоть какую-то еду тем людям, которые говорили, что им нечего есть. Социальные работники тоже ходили, но транспорта не было, и тем, кто очень далеко, и нельзя было пройти, и не пропускали эти посты, в общем, все было очень сложно. Пытались как-то созвониться с соседями, чтобы они, помогли или родственники взяли на себя какую-то опеку. Ну, в общем, короче говоря, это такой был страшный период, и Чернигов был в кольце. Выехать никуда нельзя было. Вот я не знаю, Л. как-то выехала пятого числа, это просто повезло. Очень мало людей смогли в это

время выехать, а потом, и знаете, вот уже просто не было сил. Я порой лежала на кровати вечером и думала...

00:09

А, вы знаете, как: от воздушной волны это дом качало, пятиэтажный кирпичный дом, его качало. У меня четвертый этаж, его качало, я уже думала, будет что будет, сил идти куда-то вниз у меня нет. А потом, 3 марта вообще я пошла выносить мусор, а я живу недалеко от телевизионной вышки, и вышку бомбили. И попали в дом, который рядом, и детский сад частично пострадал. И вот там вот, по дороге, возле этого дома, который был полностью разбит, там никто не жил уже, я даже... Тогда мы и не знали, кто-то из людей пострадал или не пострадал. Я пошла выносить мусор и смотрю вот на этот дом, который, знаете, вот как в Сталинграде показывали, вот эти вот дома, и тут стоит такой же дом в Чернигове.

00:10

Вот и там какие-то люди пытаются что-то, у кого-то, может, что-то сохранилось, что-то, какие-то вещи, может, пытаются там чего-то найти. И я вспомнила, что я уже давно не была ни в каком магазине, я не знаю, работают они или не работают. Вот как-то на том что было. И еще в то время, это, электроэнергия была, то есть холодильник еще стоял, с продуктами с какими-то. И потом я иду и думаю, что надо попробовать в магазин зайти. Я вспомнила, что у меня 4 марта день рождения. Я понимала, что никто ко мне не придёт, но я думала, что с соседями я как-то это все отмечу. Я пошла в магазин, это уже было 12 часов дня. И этот магазин неделю не работал всегда. И вот как раз в этот день они открылись.

00:11

Неделю не работал магазин. И когда я в 12 пришла, люди уже много товаров разгребли, оставались такие там дорогие, типа, там копченой рыбы или какие-то дорогие колбасы, ну, в общем, все такое уже. Ну, в общем, я уже набрала все, что там было дорогое, недорогое, уже не смотрела, потому что я не знала, как я попаду в следующий раз в магазин и будет ли он вообще работать. И я вышла, и слышу, что тревога. Я не могла понять. Тогда никто из магазина не выгонял, и мы там были в магазине я даже не слышала, что тревога. Когда вышла из магазина, слышу тревога, думаю, может, она уже давно и скоро кончится. И я пошла с этими, нагруженная, с продуктами, пошла домой, а там мне идти, ну, минут 7 от этого магазина до дома. И я шла мимо горбольницы,

00:12

там такой забор металлический был из таких прутьев. И я иду мимо этого забора, мимо горбольницы, там корпуса больничные все. И я слышу какой-то гул, я поднимаю голову, и надо мной российский самолет так вот кружит. И я стала вспоминать, чему нас учили в гражданской обороне: ложится или в забор мне надо как-то влезть. А надо мной ещё дерево было такое небольшое, думаю, или под деревом стоять, вот как, как вот мне делать? А потом я, значит, смотрю, этот самолёт поворачивает в другую сторону, а там у нас станция переливания крови. И я думаю, точно, полетел бомбить станцию переливания крови, и я думаю, точно, полетел бомбить станцию переливания крови, потому что, вы знаете, столько людей ходили сдавали кровь, никого не звали, вот знали, что надо, и все, кто мог, у кого не было каких-то заболеваний,

00:13

все шли сдавали кровь. Я думаю, наверное, в ту сторону, и я иду дальше. И тут слышу такой взрыв. Я не могу понять, где этот взрыв: или где-то рядом со мной или это где-то дальше. И я уже дошла до горздравотдела. А там клумба такая, но 3 марта все равно немножко оттаяло, и у меня хватило ума переступить с асфальта на эту клумбу, и я упала. Я не знаю, как я упала. У меня потом спрашивали: как ты упала? Я говорю, я не знаю, я просто упала – и всё. И я лежу и думаю: так, стала шевелить руками, ногами, вот, ну, вроде цела, а потом думаю, может, он

второй раз, смотрю, уже что вокруг меня всё целое. Ну, никаких нет, воронок, ничего нет. И думаю, надо... поднимаю голову, а там далеко стоит столб дыма, и я вот думаю: ну, точно станция переливания крови.

00:14

Потом оказалось, что он разбомбил шестнадцатизэтажный дом, и там погибло 47 человек, и было очень много раненых. Вот, и, видимо... и он, когда разбомбил этот дом, он, видимо, улетел, а я смотрю, там рядом аптека была, и оттуда бегут люди и показывают на этот столб дыма. Я уже не стала там рассматривать, и спорят, куда попало. Я уже не стала слушать их споры и быстро пошла домой. Подхожу к подъезду, а на крыльце стоит, стоят мои соседи с первого этажа, и с женщиной просто истерика, она в ужасе таком, они были с мужем в другом магазине, над ними также летел этот самолёт, они также упали, только на асфальт, и у неё вот это вот чувство страха, ее уже отпаивают разными успокаивающими средствами, она не может прийти в себя. Я им говорю, что вы тут стоите, пошли в подвал!

00:15

А вдруг он прилетит еще раз или еще что-нибудь будет? Мы пошли в подвал, но ей не хватало воздуха, и она вот на ступенях с мужем, с мужем они были, и успокаивали всё. Я пришла в подвал, там сидят мои соседи, у них такое, знаете, убитое состояние. И я, знаете, я подумала, что надо прийти в подвал и отметить тут свой день рождения. Ну, в общем, я поднялась уже домой, вот, как-то мысль, что надо, что-то делать, да, что-то туда принести, какие-то там бутерброды. А я же собиралась отмечать день рождения, купила коньяк, вино, конфеты. Ну, в общем, как бы думаю, что-то было. И на следующий день я встала в 6 утра и думаю,

00:16

пока не бомбят, я буду делать бутерброды. Телефон тогда еще работал, и между поздравлениями с днем рождения и тревогами я кое-как закончила где-то к часу дня делать бутерброды, и потом я еще сварила компот из сухофруктов, потому что я видела, что дети в этом подвале... А я не взяла никакой сладкой воды, ничего, уже просто дотащить это все не могла. И, значит, объявили тревогу. Я открыла дверь, у меня уже сумки, это самое, полотенце такое большое, чтоб постелить. И идут с пятого этажа мои соседи. Я говорю: помогите! Они так: ты что, уезжаешь? Я говорю: нет, я не уезжаю, я иду в подвал. Помогите, и все. Ничего им не объясняю. Потом заходим в подвал, и я говорю: у меня сегодня день рождения, мы будем отмечать. У нас стоял такой козёл, не очень высокий,

00:17

на нем, когда делали ремонт и его таскали из одной квартиры в другую... Мы поставили этот козёл, я постелила скатерть, полотенце такое большое, ну и стала выставлять эти бутерброды. Были они все деликатесами, потому что ничего другого магазине там не было. И коньяк, и конфеты, ну, в общем, короче говоря, у всех так глаза расширились, одна женщина говорит: как будто нет войны. И мы там сидели, отмечали, ну, в общем, знаете, немного как-то стало легче на душе, что вот что-то в жизни такое происходит. Ну, потом я уже пришла домой, потом опять начались вот эти вот тревоги. И где-то накануне, где-то числа 10-го, нам позвонили из «Джойнта» и сказали,

00:18

что, вот, несмотря на то что Чернигов в кольце, как будто бы договорились, что еврейская община будет вывозить кого сможет. Значит, нам очень помогла Н., она работала в синагоге, а потом она выехала в Черновцы, и она помогала выезжать из Чернигова, фамилию забыла. Она работала в синагоге, она украинка. Да, она работала в синагоге, очень умная, очень приятная, очень добрая женщина, и она организовывала эти списки. Потом мне звонили, мне

звонили в любое время суток и записывались. И, когда я говорила, что возле «Хеседа» будут автобусы и надо туда прийти, а это не центр города, у нас «Хесед» не в центре,

00:19

некоторые говорили, что не смогут прийти. Я говорю: ребята, нет транспорта. Ну, ладно, машина есть, я говорю, машина у нас есть, но у нас нету бензина, бензин негде просто взять. Так что вы уж, пожалуйста, не берите с собой много вещей, выйдите заранее к определенному времени. И потом, когда я приехала, я увидела такое количество людей, человек 300, наверное. А мне сказали, что транспорта будет на 160 человек. Я смотрела, там были евреи и неевреи, некоторые приводили человека и говорили: вот этот с гориспокома, с автоматами приходили, говорю, вот он с горисполкома, его надо посадить. Одну машину на 7 мест заняла семья нееврейская абсолютно, которая выезжала сама, и я их вытащить из этой машины не могла. В общем, где-то с 12 до 3, вот, я усаживала, рассаживала, и осталось человек 100 еще,

00:20

можете себе представить! Было на 160 человек эти машины, а влезло в эти машины человек 200, и все были с животными, многие, во всяком случае, вывозили кошек, собак, не бросали. И обычно из Чернигова до Киева мы едем максимум два часа, а тут мы ехали 6 часов по селам, которых вот, несмотря на то что я, за исключением студенческих лет и одного года практики, прожила на Черниговщине и много ездила и по своей работе, потому что мы обслуживали не только Чернигов, а всю область, вот мы ехали 6 часов. Мы ехали под охраной, с нами были автоматчики, и на всех блокпостах было уже договорено, что едет целая группа. И что никто не должен отставать. Где-то в полдевятого мы приехали в синагогу Бродского,

00:21

и там нас стали вдруг кормить. Уже ни у кого не было сил, но, уже поскольку мы там выгрузились и нас там кормили

Int.: это в Черновцах?

Inf.: нет, это в Киеве было. В Киеве синагога Бродского. Одна. И потом нас повезли в гостиницу, которая недалеко от синагоги. В этой гостинице, гостиница была на 80 мест, а нас приехало 200 с животными. И как нас уже там распределяли, кто как уже было, это, но уже были рады, что это, что мы попали, и Киев не бомбили тогда, понимаете. И в Киеве вообще, на некоторых улицах горели лампы, у нас же все выключалась. В общем, Чернигов, как говорится, первый попал под бомбежки такие, и он, по сути говоря, закрыл своей спиной Киев,

00:22

потому что в Чернигов не вошел ни один русский солдат. И долго держалась оборона, что в Киеве попали уже попозже. И смогли в Киеве хоть как-то организовать... Ну, не как-то, они там же знали, что будет война, и если бы вообще не готовились, то все бы забрали сейчас, только насколько могли готовиться? Бедная, нищая страна, которую принял Зеленский без армии, по сути говоря. Ну, армия была уже, небольшая, потому что на Донбассе шла война. Хотя последние два года там погибло, где-то в 2021 году что-то 21 человек, по-моему, это по отчетам ДНР и ЛНР. То есть, как пришел Зеленский, он старался как-то установить мир. И вот со времени его правления

00:23

было лучше, поэтому, когда у этих сотрудников, у этих жителей ДНР спрашивают, вот я смотрю, там Золкин с пленными разговаривает, особенно ДНР-ЛНР, они даже не могут вспомнить, когда их там бомбили, понимаете? В какой-то мере это искусственно, если вам будет интересно, я вам расскажу, как я встретила с представителями ЛНР-ДНР в четырнадцатом году.

Int.: да, очень интересно, расскажите.

Int.: да, в общем это же год был выборы, меня уговорили заниматься выборами Рабиновича в Чернигове. И мне пришло, и мне сказали, что...

Int.: а Рабинович это кто?

Inf.: это член партии, это... Вадим Рабинович, который в Иерусалиме установил вот эту менору, знаете, под стеклом стоит рядом со Стеной плача.

00:24

Inf.: а, да-да.

Inf.: наверху стоит, это его. Да, это его. Да, и он был членом этой партии «За життя» – за жизнь. Вот, и вот, Господи, как это, Л., как фамилия этого, что возглавлял партию? Которого в Москву отдали за пленных азовцев?

Int.: Медведчук?

Inf.: да, Медведчук, он был член партии Медведчука, одним из организаторов этой партии. Но тогда это, еще как бы Рабинович был необыкновенно популярен. Я даже... он был популярен больше, чем Порошенко. Мне мои русские друзья и украинские говорили, что если бы мы были уверены, что Рабинович пройдет, мы бы за Порошенко не голосовали. Ну, я естественно голосовала за Рабиновича. Тут другого не было вопроса, и я вам расскажу больше.

00:25

Уже это, когда все голосовали и потом были выборы, значит, там, приехали в военной форме люди. Они считали, что они будут контролировать эти выборы, все это. Я тогда привезла очень много мацы, и все ходили, ели эту мацу. А выборы тогда были в июне, по-моему. Ну, в общем, короче говоря, отношение к Рабиновичу было очень хорошее, но взял он всего два с половиной процента, потому что вот люди считали, что он не пройдет. Просто вот Л. правильно сказала, что из двух... не за кого было голосовать.

Int.: возвращаясь к вашему разговору с человеком их ДНР...

Inf.: Сейчас расскажу. Значит, пришел ко мне мужчина, он был из Луганска,

00:26

у него больные почки, он был на диализе. А у нас в Чернигове очень хороший центр, и его, больного, вывезли из Луганска, и он лежал у нас Чернигове на полном обеспечении. Я уже не помню его фамилию, уже давно уже это было. И он пришел, и заходит, и говорит: мир вам! А у меня кабинете сидел руководитель нашей активности SGB, и он говорит: вы адвентист седьмого дня? Он говорит: да говорит, а откуда вы знаете, говорит. Ну, они, когда приходят, они всегда так говорят. А по какой причине вы пришли в еврейский центр? А он говорит: у меня жена еврейка, дочка у меня в Израиле, и вот, жена оформляет документы

00:27

на выезд, и я хочу, чтобы вы мне здесь оказывали помощь. Я говорю: но уже на полном государственном обеспечении, вас и кормят, и поят и, ну, вот все у вас там, как говорится, есть. А есть же люди, которые приехали из Донбасса, которым надо действительно помогать. Еврейская община очень хорошо помогала, вернее, благотворительный еврейский фонд, очень хорошо помогал беженцам из Донбасса, это просто я даже не могу передать, какая огромная сумма помощи, которую оказывал «Джойнт». Я говорю: а что вы хотели? Он говорит: вы понимаете, я люблю баранину, у меня денег на баранину нету. Я говорю: вы знаете, у меня денег на баранину тоже нету. Она у нас одно из... самое дорогое мясо, которое было. Я говорю: знаете, у меня тоже, говорю, на баранину нет. Но вы чем-то можете помочь? Я говорю: вы вообще для начала покажите документы.

00:28

Он мне дает копии всех документов, я говорю: а почему копии? Ну, свои только натуральные, а жены, и дочери, и сына копии. Я говорю: а почему копии? Ну, жена там в Харькове оформляет документы, она приедет. Я говорю, знаете, вот когда жена приедет, мы вас

поставим на учет и будем оказывать вам помощь. Ну и я говорю: ну, вы расскажите, почему вот вы так себя ведете, вот, вся Украина, вроде, ну нормально себя ведет. А вы вот решили там, в России, я говорю, я не знаю, что вы там решили. Я говорю: расскажите. Он говорит: ну, понимаете, говорит, Янукович наш, а Порошенко ваш. Я говорю: вы извините, Порошенко вообще винницкий,

00:29

а наш черниговский – это Президент Кучма, он из Черниговской области. Вот он наш. Так, я говорю, Порошенко не наш так же, как и ваш. Ну, потом, я говорю, ну, это понятно, говорю, а дальше что? А он мне говорит: вот не разрешали выезжать с Луганска и Донецка на территорию Украины. Я говорю: слушайте, как же не разрешали, когда вас больного вывезли и тут вы живете, вас обслуживают в больнице лучше, чем в Луганске. Расскажите говорю. Он: ну, так по телевизору показывали. В общем, короче говоря, он нес такую чушь, что уши вяли. Я могла себе представить, что им там рассказывают. Понимаете, если человек как бы на своей судьбе, просто по себе не может оценить, что...

00:30

А, еще он мне сказал, очень интересно, я, говорит, когда оформлял паспорт, а ему лет 45, новый паспорт в 45 лет меняют, так вот, мне сказали, что я анкету должен заполнить на украинском языке. Я говорю: извините, вы и я учились в советское время, в советское время в школах со второго класса преподавали украинский язык. Вы что, не можете написать в анкете свое имя, как оно пишется на украинском языке? Вы, говорю, что смеетесь, вы что, говорю, двоечником глубоким были? Он: ну, я, конечно, не очень хорошо учился, он мне рассказывает. Я говорю: ну, уже свою фамилию по-украински вы можете написать? Это же не изложение заполнить анкету на украинском. Да, могу. Я говорю: так что вас не устроило? Когда в Советском Союзе учили украинский язык и никто не восставал,

00:31

никто даже рот, говорю, боялись открыть, если кому-то чего-то не нравится на эту тему. А сейчас, говорю, на Украине стала свобода, можно свое волеизъявление по-разному рассказывать, так вы этим пользуетесь! Я, говорю, знаете, еще неизвестно чем это закончится, вот это ваша... Вы знаете, вот как предчувствие какое-то было, ваше такое поведение. А он мне говорит: а мы в Израиль уедем, нам, типа, все равно что там будет. А потом еще оказалось, что его сын тоже в Израиле, и он мне принес эти документы, чтобы я еще и на сына, как говорится, что-то давала, то есть, представляете, обманщик по полной программе. SG еле сдерживался, чтобы его, извините, это куда-нибудь не послать, потому что вот знаете, я такого... Ну как бы уже много лет прожила. Но вот такого не то что хамства,

00:32

а такого ужаса просто в своей жизни не видела. Ну, а когда приезжали люди с Донецка, мы им очень много помогали, поэтому никто, ничего, как говорится, дурного не говорил. Люди просто оттуда бежали, вплоть до посуды, до одежды, и кто-то устраивался в селах, кто-то, устраивался в Чернигове, у кого-то были деньги, даже покупали квартиры в Чернигове. Ну, вот, короче говоря...

Int.: это после 14 года, да?

Inf.: да, после 14 года. Да, бежало очень много людей, очень много бежало.

Int.: а что рассказывали?

Inf.: ну, это понимаете, бежали в начале четырнадцатого года. Ну, наверное, люди понимали, что там происходит, уже вошли русские войска. А потом я беседовала... «Джойнт» же продолжал работать в Донецке, работали социальные работники там,

00:33

а там уже были и кадыровцы, и вообще неизвестно кто. Девочки порой боялись выходить на улицу. О том, чтобы выйти в это... я имею в виду патронажных работников, о том, чтобы накраситься, речь вообще не шла, какой-то там зачуханный платок и что-то такое, чтобы никто не пристал, чтобы, не дай Бог, ничего не было. Поэтому люди все это видели, и у кого были хоть какие-то деньги и возможность выехать, и какие-то родственники... Знаете, приехать чужой город. Хоть это и та же страна, но нужна какая-то поддержка. В общем, у кого была малейшая возможность выехать, люди выезжали. И мы уже разговаривали, вот, я разговаривала со своими коллегами, в Ужгород очень много выехало, во Львов тогда, и всех встречали, понимаете, всех жалели.

Int.: а возвращаясь

00:34

к периоду военных действий, и вот к тому, что вы описывали, вообще, какое у вас было ощущение от всего этого? Страх? Еще какие-то чувства?

Inf.: ой, вы знаете, было столько проблем, которые надо было решать, и как-то вот такого большого чувства... Ну было страшно, конечно. Вы знаете, я практически не могла спать, и, когда пыталась заснуть, мне все время снился один сон, который продолжал сниться и здесь. Что я иду с мамой, и за нами гонится это, а идут фашисты, русские фашисты в немецкой форме колонной, и, увидел нас, за нами побежали. И вот маму как-то сразу убили,

00:35

а я еще через забор какой-то лезу. Я думаю: у меня же артрит, как я на этот забор влезла? И вот вы знаете, это, меня как бы вот этот сон не покидал. Вот где-то, наверное, месяца два-три мне это уже не снится. Так повторялся, повторялся этот периодически вот этот сон. Я даже боялась засыпать. И я не помню, что я ела, что я только единственное, что бегала по городу и искала корм, который надо купить кошке. Вот что я уже как-то так, и консервации много, и всякого варенья. Ну, в общем, короче, я как-то думала, что я как-то продержусь. Вот у меня была еще вот это, такая забота и какие-то лекарства по аптекам бегала покупала, аптеки как-то работали до двух часов. У нас мэр очень хороший,

00:36

Матрошенко Владислав Анатольевич, который всех расставил на место. Ну, в общем, молодец. Чернигову не зря дали город-герой, потому что действительно была оборона. Синагога очень много помогала, сейчас продолжает помогать. Но сейчас уже Чернигов не в кольце. Как только вышел из кольца то это, сразу очень много волонтеры стали вести всего, но я уже это не застала, я уезжала 13 числа...

Int.: 13 марта?

Inf.: 13 марта, да. И Чернигов был еще в кольце. А, и самое интересное, что мы, когда приехали в синагогу, нам знаете, что сказали? Что то, что мы выехали, это ж стоило определенных денег, кто-то с кем-то договаривался, так понимаю, и потом мы, нас сопровождали военные. Это тоже не так просто.

00:37

Вот, что деньги на то, чтобы вывести нас из Чернигова, дали американские беженцы из Сирии. Ну, вот бежали вот из Сирии, когда вот эти все события были, там же тоже люди разные, и кто-то же убежал в Америку. И вот они там собрали деньги, да, на то чтобы из Чернигова могли, нам в синагоге сказали, если б мне сказали где-то в другом месте, я бы сказала «одна баба сказала» и все, но просто это как бы серьезные люди, и они организовывали наш вывоз из Чернигова.

Int.: это невероятная история!

Inf.: рассказываю как есть

Int.: ну, давайте, тогда вы продолжайте свой рассказ, значит, о вашей эвакуации.

Inf.: да, в общем мы переночевали, потом приехала потом пришли мы в синагогу,
00:38

нас покормили завтраком и сказали, что в час ночи, ой, в час дня, приедет автобус, и нас повезут в Молдавию.

Int.: это в Киеве?

Inf.: в Киеве, да. А у меня же еще кошка в переноске, а я там списки стала составлять, кошку оставила. Она решила, что я ее бросила, и, когда уже к часу надо было садиться в автобус, я подошла к клетке, у неё слезы текут. И вот я до сих пор ее тут лечу, с этими слезами, у нее периодически эти слезы.

Int.: периодически слезы у кошки?

Inf.: да, да.

Int.: от перенесенного шока?

Inf.: да.

Int.: а кошка... то есть, она все это слышала?

Inf.: да, да, все эти бомбежки...

Int.: как она, кстати, себя вела?

Inf.: я вам сейчас расскажу, очень интересно. У меня выходят окна на восточную сторону и на западную, и вот, когда бомбили с восточной стороны,

00:39

она уходила в это, на западную сторону, а когда с восточной, это... на западную, она переходила на восточную. Я ее пыталась затащить в ванну, в берлогу, так сказать, она оттуда все время уходила, и я уже стала по ней смотреть, где мне можно лечь, понимаете? Вот говорят же, интуиция у животных. Вот, ну, в общем, короче говоря нас привезли в Молдавию.

Приехали мы в 6 утра, там нас очень хорошо встретили. Там что-то типа ангара было, там лежали какие-то матрасы, стулья, и нас сразу стали кормить, а потом повезли на турбазу. Турбаза была достаточно приличная, срубы были такие вот,

00:40

и мы на турбазе жили где-то дней 6, а потом нас, потом приехал консул, и нас повезли на какую-то соседнюю турбазу, и консул с нами со всеми беседовал. Разные там люди, я смотрела, были евреи, неевреи, одна женщина мне говорила: скажите что-нибудь на идиш. Я говорю: зачем вам это надо? Ну, а вдруг меня спросят: понимаете? Ну, немножко, чуть-чуть. Я говорю: послушайте, если вы еврейка, вы что-то должны знать, хоть что-то. И ушла. Ну, понимаете, но уже было как-то так. И потом нас перевезли в другую гостиницу, мы там ночь переночевали, и утром в 4 утра нас повезли в аэропорт в Кишиневе. И там мне, там такие мадамы ходили,

00:41

и вот одна мне говорит: что вы тут кошку везете? Израиль с животными не принимает, ни одна гостиница не принимает с животными, вот ищите, договариваетесь с родственниками чтобы ее забрали. Я говорю: знаете, я уже посмотрю. Я расстроилась, конечно, очень потому что у меня у родственников тут аллергия на кошачью шерсть. Я говорю, значит, я с ней буду жить на лавочке. И пошла. Самолет был украинской авиакомпании. Мы прилетели. Нас очень хорошо в аэропорту встретили, все было очень организовано, и сказали, что те, кто с животными, вот проходите вот за этот стол, и вас отвезут в гостиницу, где разрешено быть с животными. Я уже все, у меня уже все отошло с души, потом нам делали анализ на коронавирус,

00:42

потом еда стояла, кто хотел, мог есть. Ну, в общем, короче было очень хорошо организовано все, очень хорошо, и там стояло много столов, мы подходили со своими

документами, в общем, это все было достаточно быстро. Там было много военных – мальчиков и девочек, очень приятные все были, вот с кем приходилось общаться. Ну, вот, знаете, какой-то елей на душу был. Ну и потом, когда уже нас распределили всех, вот сказали, что в этом Машав Гаре, там есть гостиница на ливанской границе, мне уже было все равно – на ливанской или какой-то другой. И там вот с животными забирают. И где-то часов в 12 ночи нас туда привезли, в эту гостиницу. Единственное, что она была холодная,

00:43

и нам никто не показал, как включить кондиционер. Он там по-другому немножко включался. И только в 5 утра я это, там холодно, в горах, в 5 утра, мне рассказали, как включить кондиционер этот, потому что у меня дома другой. Ну, в общем, короче, он там в стенке был встроен, но не в этом дело. Короче, нам с кошкой дали комнату на двоих. Вот у кошки одна кровать, вторая у меня, и, значит, душ был, умывальник туалет, ну, в общем, очень хороший такой номер, достаточно приличный, и нас стали кормить как на убой. Единственное, что кухня была острая, и мы очень просили не делать этого. Ну, что не все могут есть, но потом они уже как-то прислушались к нам, и,

00:44

что меня поразило, когда мы приехали буквально на следующий день, приехала столько волонтеров, что я вам передать не могу. Вот я не могла такого даже представить, что это так, и люди привозили всё бесплатно, и это были и продукты, фрукты какие-то. Это были вещи. Я уехала с маленьким таким чемоданчиком, потому что я понимала, и переноска с кошкой, я понимала, что людей будет много, если я возьму еще большой чемодан, то кто-то не уедет. И совсем маленький, он максимум на 7 килограмм. Что это... а, там лежало два кошачьих туалета, кошачий корм и кое-какие свои вещи, понимаете? Вот и в результате я же приехала в зимних сапогах, в пальто, теплом достаточно,

00:45

а тут намного теплее, и надо что-то одевать. А у меня одеть нечего, по сути говоря, вот как в чем выезжала... Потом приехал брат с невесткой, привезли мне это одежду, ну, в общем, много чего привезли, и две недели мы там были, и нас никуда не вызывали. Мы никак не могли понять, в чем дело, а потом, как выяснили, нам не сделали никакие документы. Две недели прошло – и ничего. И так получилось, как я уже потом поняла, обслуживал нас город Кармиель, и у них не хватало людей, чтобы нас всех обслужить, потому что такое большое количество, а взять нового человека, его обучить надо, это тоже не так просто.

00:46

Ну, я так поняла, что они хотели, чтобы им увеличили зарплату. Ну, это естественно. Да, это понятно. И нас отвезли, и нам сделали этот паспорт, теудат зеут оле сделали. А нам же надо какие-то деньги получать, а для того, чтобы получить деньги, надо, чтобы был паспорт, теудат зеут, вот, эта маленькая синенькая карточка. И они нам говорят: вот у вас есть теудат оле, идите. А мы говорим: а куда нам идти, у нас нет денег никаких. Тут замкнутый круг получается, что, с одной стороны, это мы уже столько там сидим, а с другой стороны, мы не можем пойти в банк оформить документы. В общем, короче говоря, оказалось, получилось так, что,

00:47

когда вот это вот все было, оказался какой-то журналист там, в этом Мошав Гаре, и он это все написал в газете, и к нам быстро, прямо в эту гостиницу, там много всяких домиков, там необыкновенно красивое место, называется израильская Швейцария, это просто чудо-место, если поехать вот сейчас отдыхать, но у меня на это денег нет, это такой был, знаете, подарок. Да, к тому, что нас там кормили бесплатно, и волонтеры столько всего привезли, вот это был подарок. Мы там ходили по горам, там лазили, и я, несмотря на свое больное колено, тоже

ходила, потому что это была необыкновенная красота просто, природа необыкновенная. Вот, и нам потом уже сделали теудат зеут,

00:48

и мы, повезли нас в банк. Автобус был заказан, и мы уже в банке оформляли все документы. Ну, а потом уже надо оттуда как-то выезжать, и у меня брат живет в Бат-Яме, и они мне искали там квартиру, но там очень дорого, я бы, ну никак не потянула бы там. Мне надо было бы не то что всю пенсию, а еще пенсию плюс квартирные отдать.

Int.: кто вам помог с квартирой?

Inf.: сейчас расскажу. Вот, а с Л. мы перезванивались...

Int.: а с Л. вы еще по Чернигову?

Inf.: да! Мы с ней ходили все время в филармонию, мы ходили на вечера джазовой музыки. Да, мы знакомы очень давно, в одной школе учились. Но мы не по школе знакомы, а уже потом, она ходила в женский клуб в «Хесед» приходила, и мы вот общались.

00:49

А я еще, это где-то с 79 года, работала внештатным экскурсоводом и я водила экскурсии, я сделала экскурсию «Чернигов еврейский», начинала ВК эту экскурсию но, потом она уехала в Израиль, она тут живет в Кирьят-Хаиме сейчас, а а потом уже я делала полную экскурсию, но потом на разные темы делала. Я потом водила подопечных, в наши клубы водила, и у нас еще, ну это были разные фонды благотворительные, с которыми мы сотрудничали, и вот я тогда для людей пожилого возраста водила экскурсии. Так что Л. еще на моих экскурсиях была, вот так что мы с ней, вот так вот познакомились. Ну с «Хеседа» еще как бы, я же знала своих подопечных. И мы отошли от экскурсии...

00:50

Да, и Л., мы с ней перезваниваемся, и она говорит, что я приезжаю в Наарию, мне тут нашли квартиру, и давай приезжай, какое-то время у меня поживешь, у меня тут есть комнаты. А Л. котов очень любит, она мою кошку любит. И будешь искать тут квартиру. И тут и по ценам нормально. Все, я звоню своим родственникам, вы знаете, ребята, давайте, я здесь останусь, здесь и климат лучше. В Бат-Яме все-таки очень жарко. Давайте попробуем, сделаем так. И невестка моя стала искать в интернете объявления. Они приехали сюда с братом, мы на машине, и мы поехали искать квартиру.

00:51

Ну, вот, нашли квартиру, я тут недалеко от Л. живу, где-то минут 10. Ну вот так нашли квартиру, ну, есть проблемы, конечно, но такое...

Int.: вам платят пособие?

Inf.: да, пособие и квартирные.

Int.: вам хватает?

Inf.: да. И потом же, кроме этого, нам дают, дали еще корзину и дали 6000 как беженцам. Так что я смогла купить какие-то вещи необходимые и бытовую технику. Вот только вчера пошла в магазин «Биг электрика». Я там уже столько всего накупила, бытовых приборов, меня там уже знают,

00:52

я купила этот обогреватель...

Int.: чем вы занимаетесь в Израиле?

Inf.: в Израиле? Сейчас расскажу. Во-первых, я езжу на экскурсии. Я хожу в театр, я ходила на балет прекрасный, вот, когда я была еще в Мошав Гаре, там женщина была волонтер, С. ее зовут. Она из Шломе, мы сейчас не дружим. Она мне привезла книгу с глаголами, чтобы я учила, и она еще тогда из Машав Гарем, у них хороший народный театр. Она нас повезла в этот

народный театр, был очень хороший спектакль. У нас И. организывает очень много экскурсий, вот, потом тут было, есть еще один клуб,

00:53

вот там соседка ходит, и я с ними ездила на несколько экскурсий. В общем, я уже очень много объездила, во-первых, когда я приезжала сюда. Я каждый год куда-нибудь ездила, и у меня такие родные, что они не лежат на пляже и не сидят на одном месте. Я уже ездила столько, наверное, больше, чем некоторые израильтяне, и мне все интересно. В Акко я была где-то в году 96-97. Вот я сейчас опять попала в Акко, это день и ночь, столько труда там вложено, столько реставрационных работ сделано. У нас еще великолепный экскурсовод Алексей, я могу оценить, знаете. Да, просто, вы знаете, я просто в восторге. А потом еще, мы, когда шли по старому базару, и он нам стало рассказывать

00:54

о тех людях, кто ходил, но как бы еще с территории Руси, по этим улицам и вот он говорит, что тут ходил Даниил, монах Даниил Черниговский. А я, у нас пригород такой (неразб.) есть, очень интересный, и я о нем рассказывала там во время экскурсии об этом монахе Черниговском, Данииле Черниговском, и для меня, это знаете, как было, что я вот иду той же дорогой, которой шел он, а он сравнивал, там река Снов протекает, и он сравнивал реку Снов с рекой Иордан. И самое интересное, что, ну, и тогда этот Снов был более полноводный. Да еще до революции еврейские купцы сплавляли лес по этой реке, потом в Десну, вот это Сновск – это знаете,

00:55

город такой. Вы смотрели, наверное, фильм «Тяжелый песок» или нет?

Int.: ну, когда-то еще очень давно.

Inf.: так вот это о Сновске. Кстати, почти вся Черниговская еврейская община в нем снималась, и я в том числе. Они искали еврейские лица. И вот сейчас недавно по каналу «Телекафе» шел этот фильм. Я смотрела на своих знакомых, на своих друзей, некоторых из них сейчас уже нет в живых, родственников моих, которые снимались в этом фильме.

Int.: интересно!

Inf.: да, интересно. Я вспоминала те моменты съемок, как это все было. Это было 31 октября 2002 года. Ночью, было холодно, по сути, говоря в этих же условиях и расстреливали сновских евреев. Так что, ну, как говорится.

Int.: в общем, вы здесь обрели вторую жизнь?

00:56

Inf.: понимаете как? Ну, что значит обрела жизнь. Я тут не чувствую себя в чужой стране. Я, как раньше говорила, что я поехала домой к маме. Так я, собственно, говоря приехала. Очень хорошо, что Л. рядом. Я, когда уезжаю к брату на несколько дней, я на нее кошку оставляю. Вообще, у нас много общих интересов и взглядов на жизнь. Ну, немного разное, я более резкая, чем она, во всяком случае, то, что она здесь, это просто для меня счастье. Понимаете, родной человек с общими интересами, с общими взглядами на жизнь, вот просто...

Int.: но вы намерены остаться в Израиле?

Inf.: даже разговора не стоит.

00:57

Единственное, что осталось там, конечно, квартира, остались какие-то любимые вещи. Вот мне выслали оттуда посылку, ее наполовину разворовали

Л.: а у меня все дошло!

Inf.: да, я говорю, она маленькая (неразб.) размер обуви не подошел...

Int.: а кто-то присматривает за вашей квартирой?

Inf.: соседи. Я с ними перезваниваясь, там у меня подруга осталась, она мне говорит: когда уже ты приедешь, мне без тебя плохо, ну, когда ты уже приедешь, а некоторые со мной говорят: ты же обещала нам экскурсию по ремесленникам сделать! А у меня почти уже, почти вся экскурсия была готова. Это такой еврейский район Чернигова, говорит, ты когда приедешь и сделаешь эту экскурсию? Но знаете, что мне сказать? Ну, там жизнь прошла, там мы родились,

00:58

у нас была очень хорошая школа общая. У нас была очень хороший директор ТТА, кстати, двоюродная тетка нашего мэра. А муж у нее был еврей, и у нее очень такая интересная история жизни. Она работала в обкоме партии, и ей сказали, что если ты хочешь, чтобы у тебя был рост карьерный, то ты должна развестись с мужем-евреем. Она сказала, что она не разведется. Она бросила эту работу и пошла рядовым учителем в школу, а потом стала директором. Она была очень хорошим директором, ее наградили орденом Ленина, и заслуженно, знаете, если кто-то говорит, что там у кого-то какие-то заслуги. Она была маленькая, сгорбленная конопатенькая.

00:59

Да, внешне неинтересная совершенно, но как человек необыкновенный, как она нас любила! И вообще, у нас очень много учителей-евреев в школе было.

Л.: да, много. Ни одна школа не имела столько евреев, как у нас. Единственная украинская школа, которая была, там работала моя мама. И там все учительницы математики, три человека, были евреи, и мама преподавала там русский язык и литературу.

Inf.: ну, Чернигов вообще был еврейским городом. До войны люди вернулись, и до революции. Понимаете, там была зона оседлости, поэтому очень много евреев там жило. Потом многие стали уезжать учиться в Ленинград, в Москву, вот старались остаться где-то.

Int.: ну, давайте тогда немножечко... А, вот такой вопрос:

01:00

как вы считаете, сколько это война может продлиться?

Inf.: я думаю, что год еще точно. Если бы дали оружие, они в час по чайной ложке, конечно, большое спасибо всем, кто его дает, но если бы дали раньше, уже бы война закончилась, потому что это война как бы всех жителей Украины, и украинцев в том числе она как-то сплотила, понимаете? А о Путине кто чего хорошего мог сказать, понимаете как? Дело в том, что все, у кого были российские каналы, вот эти все эти ведущие, они же были до войны, и когда они говорили об Украине,

01:01

это был такой ужас! Мы же живем в этой стране, мы же знаем, как мы живем, а там бог весть что рассказывают, поэтому о Путине никто доброго слова сказать не мог. И мы все понимали, что он хочет, как бы, возратить Советский Союз, но никто не хотел в Советский Союз, потому что те, кто жил в Советском Союзе, никто не хотел. Как бы там на Украине ни было, и коррупция и, ну, всякое, всякое там бывало, но, во всяком случае, это была свобода слова, была возможность волеизъявления. О том, чтобы пойти на выборы и бояться проголосовать за того, кого я хочу, или не пойти на выборы, вообще разговор не стоял. Хотя некоторые не ходили, мне говорили – так выберете. Вот вы знаете, я, когда сюда приехала, у меня сломался кондиционер,

01:02

и я вызвала этих мастеров, и там среди этих двух мастеров был один парень из Москвы, и он уже три года здесь. И как, я говорю, как вы из Москвы приехали три года назад? И, я так поняла, у него в Москве все было, он очень хорошо стоял там. Он говорит: знаете, я говорю, был на даче, и с дачи поехал на выборы. Это было, говорит, в шесть вечера где-то, мне говорят:

вы уже проголосовали. Он говорит: я не голосовал, я был на даче! Они говорят: ну, может, отец за вас проголосовал? А он говорит: да отец не мог проголосовать, у меня паспорт с собой. Они говорят: вы уже проголосовали. Он говорит: знаете, я на вас напишу жалобу. И они все дружно рассмеялись всем избирательным участком.

01:03

И он говорит: после этого я понял, что в этой стране ничего хорошего быть уже не может. И он уехал в Израиль. Я уже не стала спрашивать, какие там у кого корни, как это... Ну, знаете, есть люди, которые сюда приехали и собираются тут жить и работать, некоторые приехали пересидеть, вот, много айтишников, во всяком случае, я видела у нас там в Мошав Гаре они были. Там вначале завезли с Украины, а потом, когда люди уже стали отселяться, привезли несколько семей из России, потому что что отношения у нас были не очень, вы понимаете...

Int.: да, я понимаю, конечно. Тогда давайте немножко на другие сюжеты поговорим.

Inf.: давайте. Я вас заговорила?

Int.: нет, нет, на самом деле мне очень интересно!

01:04

Но тогда давайте, мы с Л. уже говорили об антисемитизме на Украине. Как вы считаете, антисемитизм на Украине был выше, чем в России?

Inf.: вот, знаете, сейчас я вам скажу такую вещь. В Советском Союзе антисемитизм был на государственном уровне, и я так понимаю, что в принципе, он, наверное, не буду говорить, как он в России сейчас, в Украине остался антисемитизм базарный, как в любой стране, как в Америке, как во Франции, я видела. Он никуда не может деться, это то, что впитано с молоком матери.

Int.: это сидит людях...

Inf.: это сидит в людях. Но я вам хочу сказать,

01:05

но это же не в такой степени, как было в Советском Союзе. Это день и ночь. И представьте себе, страна, где вы, как говорите, антисемитизма больше, чем в России, когда премьер-министр, извините, еврей, правительство Порошенко, а потом президент еврей. Но это о чем-то говорит, понимаете? Когда антисемитизм на таком высоком уровне, такого просто не могло быть. Как хорошо относились к Рабиновичу во время выборов!

Int.: нет, я имею в виду в советское время.

Inf.: ой, в советское время, знаете, я вам сейчас хочу сказать. Антисемитизм на Украине – сказать, что он больше... С чем это связано, что нам рассказывали про банды Бандеры и другие банды, которые уничтожали евреев и всех, мы, собственно говоря, сильно не вникали, кто такой был Бандера и кто были остальные вот эти люди.

01:06

В Западной Украине вообще слово «жид» это вообще литературное. Хотя, я, когда была там, есть такой, такая кафешка называется «жидовская корчма», вот это, там еврейские все блюда, там подают водку, настоящую на чем-то, я не знаю, еврейскую, кстати, очень вкусную, «еврейская» называется. И когда ты, я там очень часто во Львове бывала, когда ты там куда-то ходишь, в общем, я на Западной Украине этого не чувствовала, я туда экскурсии возила. По молодости, во всяком случае, этого не чувствовала, но то, что есть базарный антисемитизм, – это есть, от этого никуда не денешься, это просто естественно.

01:07

Но, наверное, когда общество становится более демократическим, это должно уходить на задний план. Но, понимаете, надо еще как-то разобраться, почему это, собственно говоря, произошло. Вот Западная Украина, Львов, там и так далее. Это было в составе Польши, что-то

в составе Австро-Венгрии, и когда в 39 году пришли, пришла советская власть, они стали, те, кто был настроен против советской власти, против колхозов, которые там стали внедрять, их стали отправлять в Сибирь. Они хватали девочек, женщин, запихивали их в эти душегубки, мужчин убивали, что там делали с девочками и женщинами, я вам передать не могу,

01:08

то, что делали в этой, как ее, Бучме, или как ее...

Int.: Буче.

Inf.: нет, как это, под Киевом вот это, то, что там насиловали убивали...

Int.: Буча.

Inf.: Буча, да. Там было похлеще, и просто трупы изнасилованных выбрасывали из этих вагонов. Вы понимаете, простить такое можно? Наверное, нет. И поэтому всегда Западная Украина была как бы настроена... Ну, и потом, уже знаете, когда нам в школе рассказывали, там бандеровцы, мы знали, что в России была только во время войны армия Власова, и никто никогда не рассказывал о русских полицейских, о белорусских полицейских и о других полицейских, почему-то это все сваливали на Украину. Безусловно. Были, тут разговора нет.

Л.: Украина была вся оккупирована.

01:09

Inf.: да, Украина была вся оккупирована. Да и потом удобно было это на кого-то это спихнуть, дабы выставить россиян в хорошем свете. Когда уже сейчас, когда открываются архивы, все это, но Россия до сих пор этого не рассказывает, что, кроме власовцев, было еще бог весь сколько этих армий, коллаборационистов. Да, и они также уничтожали евреев, а потом по роду своей работы мне приходилось с праведниками сталкиваться, и я много рассказывать не буду, но вот есть в Нежинском районе такое село Шатура. Там была Анна Петренко, женщина, муж ушел на фронт, она осталась с тремя маленькими детьми. И она в Нежин возила молочные продукты продавать на рынок.

01:10

И, когда началась война и немцы пришли в Нежин, то одна из женщин, которая у нее покупала, она отправила двух своих девочек, одной было лет 14, а второй лет 16, в Шатуру, и сказала: она тебя спрячет. Женщину это убили, а девочки эти пришли, а у нее трое маленьких деток, и она их полгода прятала. И самое главное, что все село знало, что они у неё, а старостой назначили бригадира. И староста тоже знал, и он ей сказал: ты их одень в украинские сорочки, и пусть они выходят на работу, платки, и пусть они выходят на работу вместе с нашими, чтобы их не смогли найти. И вот так вот было полгода, и потом их переправили в партизанский отряд. Представляете, трое маленьких детей. Я иногда себя ставила на ее место.

01:11

Я не знаю, смогла бы я так поступить – взять трех маленьких детей? В общем, все село, по сути говоря, спасало, и я туда ездила, там поставили памятник небольшой. И государство дало деньги на это все. Жители местные собирали, там кто-то еще давал, такой скромный очень памятник. Имя этой женщины в музее Яд Вашем, на доске. И там вот, вот этой вот работой такой, которая о праведниках рассказывает, и вообще, как было во время войны, занимается учительница местной школы Таня Арубова. Живут, живы еще, это ее, ее одна дочка жива.

01:12

Я там была в прошлом или позапрошлом летом, я еще там отвозила что-то там для дома, там, утварь какую-то, и мы были, значит, на открытии этого памятника. Я общалась с людьми. Вы знаете, генофонд есть генофонд. Очень хорошие люди, даже потомки. Самое главное, что они школой сняли фильм вот об этих событиях, и одну из этих девочек играет дочка местного священника. Она такая рыженькая, как была одна из девочек, и они потом возили этот фильм на какой-то фестиваль. И, ну, в общем, короче говоря, там вот люди живут вот такой вот

жизнью, и я вот с ними всеми общалась, они очень хорошие, ну, видно. Не то что они там для меня были хорошие, но вот они вот такие, знаете.

01:13

Int.: вот забыл задать один вопрос. Ну, он, в общем, он имеет отношение к антисемитизму, точнее, восприятию Украины как антисемитской страны. Я объясню, что я имею в виду. Значит, смотрите, я в Израиле встречаю такое мнение. Как мне кажется, люди, которые выражают такое мнение, уже давно живут в Израиле, это...

Inf.: не те, кто приезжает сейчас.

Int.: да, значит, мнение такое что вот Украина принимает антиизраильские резолюции в ООН...

Inf.: это вообще это уже дикость. Я, вы знаете, что я уже на эту тему думала. Мне даже кажется, что вот что по последнему, что это какая-то даже может быть договоренность с Израилем, что Израиль дает какую-то помощь, и что... Я не знаю,

01:14

понимаете как, и у меня в голове не укладывается. Как могло быть вот это последнее решение, могло быть принято, вот это в голове не укладывается абсолютно. И если вначале был проект, да, и я подумала, что, возможно, это Кислица, представитель в ООН, это, что он, ну как по накатанной как бы пошел. Но потом уже, я думаю, что это вопрос с президентом обсуждался, я больше чем уверена, понимаете, но я так думаю, почему принято такое решение? В общем...

Int.: вы думаете, что это договорняк?

Inf.: я думаю, что да, чтобы скрыть помощь Израиля. Может быть, но я думаю, я так. Понимаете, как, в конце концов, ну какая страна

01:15

во вред себе будет принимать решение в такой ситуации, когда накануне там о чем-то договорились Зеленский, поставка каких-то, ну не знаю. Был договор какой-то перед этим, и что, на следующий день принимается такое решение? Ну, не может такого быть, понимаете? Ой, жизнь непредсказуема. Понимаете как? К сожалению, мы на таком низком уровне что мы не знаем, что там происходит, тем более сейчас. Очень хотелось бы, чтобы это был договорняк, очень хотелось, потому что, честно говоря, очень неприятно. Неприятно до такой степени... А у меня еще родственники в девяностом году уехали. Они помнят Советский Союз, и некоторые, мне не довелось в школе почувствовать какие-то антисемитские отношения, брату тоже.

01:16

А вот я знаю, что его жене – да. Ну, вот понимаете, все по-разному.

Int.: ну, просто здесь раздаются голоса, что Украина принимает антиизраильские резолюции в ООН, что вообще Украина была, есть и будет антисемитской страной, что Израиль не должен помогать Украине. Это я слышал от нескольких людей.

Inf.: я думаю, что это договорняк.

Int.: интересно, я такого мнения еще не слышал.

Inf.: вы понимаете, что Израиль не может показать, что он помогает Украине. Он может, во всех отношениях.

Int.: почему?

Inf.: во-первых, это... завязаны с Россией, во-вторых, Россия имеет влияние на Иран и на то, что вокруг. Кстати, вот Украины с Израилем есть одно общее,

01:17

что это надо было умудриться иметь столько врагов вокруг страны.

Int.: да, безусловно.

Inf.: я не думаю, что Зеленский такой дурак. Даже если бы, предположим, все вокруг хотели, ну, были согласны с этой точкой зрения, но сейчас такой момент, что Украина нуждается в помощи Израиля. Ну что, сами себе навредить? Не тот случай, не тот момент. И потом Америка голосует «за», Украина против вместе с Ираном и Россией. Я считаю, что это договорняк.

Int.: интересная точка зрения.

Inf.: но, понимаете как, вот еще, знаете, что вот они сейчас там откололи,
01:18

они составили список людей в России, вот типа персоны нон-грата.

Int.: иноагенты?

Inf.: нет, нет, вот те в общем, как бы, кому запрещается въезд в Украину и так далее. И в этом списке масса людей, которые помогают сейчас Украине, вы понимаете. Или это такое недобросовестное отношение, ну, нельзя быть такими дураками! Ну, вот, понимаете, да, вот я не знаю я в YouTube очень часто смотрю Арестовича с Фейгиным. И когда сделали проект, вот когда Украина проголосовала против, Арестович говорит, это какая это какая-то чудовищная ошибка,

01:19

такого быть не может. Потом... и что типа вот исправится, в таком плане, но, понимаете как, я думаю, что он там достаточно влиятельный человек, чтобы вот... А потом вот этот идиотский список, и Латынина в Ютубе уже у Подоляка, который по должности повыше немножко Арестовича. Спрашивает, что вы хотите, что этот список означает? Говорит, Арестович сказал, что это большая глупость, и вообще, что это неправильно. Подоляк стал выкручиваться, а она говорит: а вот Арестович сказал так, ну, он говорит, понимаете, у меня вот такая должность, что я не могу так что-то сказать. Но понимаете, люди помогают! Вы же, перед тем как такой список напечатать, вы же хоть продумайте! Ой, да пели там коллаборационизм, вот это, у Зеленского прямо, (неразб.) министров. Но там, конечно, я вам скажу, очень много. Если до войны и при Януковиче

01:20

и министр обороны и прочие были граждане России... Ну, как это, ну как это вообще можно? И там очень много, и еще осталось, и еще осталось. Медведчук попродавал некоторых, но ещё остались, и потом, понимаете, страна никогда не жила одна. Я не то что я оправдываю, я просто, понимаете, я для себя пытаюсь найти причину. Я вот, когда работала экономистом, все бумаги, все инструкции, которые к нам приходили, все шли из России. Украина ничего сама не принимала, она тут же переправляла, и люди привыкли жить за чьими-то решениями. Нету дипломатической службы.

01:21

Это же, знаете, это же из года в год, это какая-то династия уже должна быть, будем говорить. Теперешний министр иностранных дел, у него отец был дипломат. Я просто, знаете, я вспоминаю, как после революции 17 года находили дипломатов, там, Коллонтай, еще прочих. Это нам показывают, что они были сильно умные. Ничего там умного особо не было, понимаете? Все дело в том, что столько лет Советской власти нам столько всего рассказывали, то, чего, и мы идеализировали дедушку Ленина. У нас был отряд в школе имени Дзержинского, и девизом был «делай жизнь с товарища Дзержинского». Да, так, можете себе представить? Чему учили, и мы же считали, что так хороший был дядя Дзержинский.

01:22

Хотя у нас дома, ну, уже в период оттепели появлялись книги, вот, которые рассказывали о тех людях, которые сидели в лагерях...

Int.: вы имеете в виду горбачевскую перестройку?

Inf.: нет, я имею в виду шестидесятых годов.

Int.: а, шестидесятых годов!

Inf.: когда уже напечатали «Один день из жизни Ивана Денисовича».

Int.: вы имеете в виду самиздат?

Inf.: да, и самиздат, и книги, и самиздат. У нас дома маминой рукой переписанное стихотворение есть по поводу всех этих дел. Я, если попаду, мне надо будет обязательно его привезти. И бабушка вообще говорила, что Сталин это гонеш на идиш.

Int.: как вы говорите?

Inf.: гонешь – ничтожество на идиш.

01:23

Int.: а, ничтожество.

Inf.: да, на идиш. Понимаете, поэтому мы на улице, и нам рассказывали, что там ты выходишь, там ты говорить не должен, но дома уже... и папа постоянно слушал «Голос Америки», «Немецкую волну» там и это... и когда он это слушал, трогать его нельзя было.

Int.: скажите, а на вашей памяти, ну, еще в советское время, среди ваших знакомых были люди, которые эмигрировали в Израиль?

Inf.: да. Я вам скажу больше: где-то в 76-м, по-моему, году или 75-м, где-то так, я еще была студенткой, по-моему, нет, даже раньше, в начале семидесятых, уехали наши родственники из Даугавпилса. И это была папина двоюродная сестра с семьей. И я знаю,

01:24

что папа боялся переписку какую-то вести, потому что он работал замдиректора и был членом партии, он еще на фронте вступил, вот, и он боялся поддерживать отношения. И когда они сюда приехали уже, и [мы] попытались как-то наладить с ними отношения, они сказали: вы нас не хотели знать раньше, мы вас не хотим знать сейчас. Нет, я все понимаю, просто они не понимали, что если бы хоть одно письмо пришло оттуда, то папа бы ушел с работы.

Л.: и затыгали бы...

Inf.: не то что затыгали бы, просто сказали уволиться, и все, даже не было бы разговоров. И еще, когда я была студенткой, а у меня троюродная сестра была замужем за преподавателем Первого медицинского института, еврей, доктор наук,

01:25

беспартийный, он был лучшим специалистом по болезни детских почек в Советском Союзе. Она была кандидатом наук, в институте гриппа работала, а его брат работал в электротехническом институте, был кандидатом наук, и он уехал... а, уехал в Израиль. И после того, как он уехал, вот этот доктор медицинских наук, его тут же уволили с работы, и он смог найти себе только работу в детском санатории под Ленинградом в Солнечном. И он все говорил моей сестре, что, Женя, надо уезжать. Они действительно, если бы уехали тогда в 70-х, и он, и она бы сделали карьеру тут, разговора даже нет, это было в семидесятые годы, но у моей сестры это вот этот троюродной,

01:26

у нее родная сестра была, а ее муж был капитаном второго ранга на Дальнем Востоке, он был моряком. И они напрочь, в общем, они как-то так посчитали, что если Женя уедет, то и того уберут с работы. Хотя, может быть... Ну, кто его знает, как бы это было, но во всяком случае они не уехали. И он получил такой стресс, что в общем, короче говоря, у него рак развился в 50 лет. Вот, и он умер, а после его смерти в результате его дети все равно уехали в Израиль, и за ними уехала мама, ну а сестра до сих пор живет в Ленинграде, там мужа у нее уже умер. Ну, в общем, так получилось, сын ее там остался. Так что вот родственники ехали. И еще я помню, я пришла, и

01:27

пришел ее муж и говорит: вот там магазине продаются кроссовки, нам в Израиле такое надо будет. Да. Вы знаете, даже в Ленинграде трудно было купить хорошие вещи, и мы пошли с ней в магазин и купили себе кроссовки. В общем, я уже не знаю, я их очень долго носила, эти кроссовки, вот, но в Израиль так и не уехала.

Int.: так, а в вашей семье вопрос отъезда обсуждался?

Inf.: знаете, когда в 90-м году уехал брат...

Int.: в советское время это было исключено?

Inf.: ну да, как-то... В общем не стоял вопрос. Брат после института железнодорожного Ленинградского на БАМе ещё три года проработал, потом вернулся в Чернигов. Потом мы поехали на свадьбу в Ригу, и он познакомился с девочкой, она черниговская была, закончила рижский Политех

01:28

и в общем, они там познакомились, влюбились и поженились. Ну, из Риги ехали уже, из Прибалтики евреи ехали просто рядами и колоннами, и, когда они сказали, что они едут в Израиль, у них дочка тут родилась, они жили в страшном общежитии, в страшных условиях, но они по идеологическим поехали в Израиль. Да, потому что тогда можно было уехать в Америку, когда уезжали...

Int.: девяностые годы?

Inf.: да, 90-й ноябрь, где-то декабрь, можно было еще уехать в Америку, ехали через Вену, там сидели, и молодых специалистов забирали. Тем более они были действительно специалисты: невестка – программист, брат – инженер железнодорожного транспорта, ну, как бы готовые специалисты, маленькая девочка, 3 года, М., была. Вот и ездила их тогда в Москву провожать.

01:29

Но вопрос не стоял об отъезде тогда, вот, как-то, знаете, морально готовы не были.

Int.: вы говорите, ваши родители...

Inf.: а, родители... Сейчас расскажу. А потом получилось так, что в 94 году или в 93 году у них родился ребенок здесь, и они нанимали какую-то няню, очень тяжело им было, а отец еще заболел тяжело, и брат сказал: надо ехать в Израиль, вот, и это, с одной стороны, им помочь нянчить ребенка, с другой стороны, папу надо было лечить, вытаскивать, как говорится, с того света. Израиль ему подарил еще пять лет жизни. Ну, а я как бы морально тогда не созрела еще.

01:30

Int.: ну, давайте тогда немного поговорим о политике, точнее, немножечко об истории. Я уже задавал этот вопрос [к Л.] об Оранжевой революции. Как вы это восприняли?

Inf.: знаете что, я вам скажу такую вещь. Ведь все началось с того, что студентам не стали выплачивать стипендии.

Int.: нет, нет, речь идет...

Inf.: а, об Оранжевой революции.

Int.: Оранжевая революция. Как вы это все восприняли?

Inf.: Оранжевую революцию? Ну, вы знаете, если честно говоря, то не очень. Мне не нравился Янукович. Я считала, что человек, который дважды сидел в тюрьме, не то что президентом страны, что я не знаю, как ему доверили автобазу.

01:31

Я понимала, что ничего из этого хорошего не будет. Вот и когда выходили люди туда на Майдан, у них знаете... Это же еще какой год был – четвертый год, 2004, как бы после Советского Союза прошло 14 лет, а у них такие были свежие идеи, что я думала, что, наверное, что-то, наверное, нормальное должно быть, но я очень не хотела Януковича. Я считаю, что

нельзя... Я знаю, сколько зеков пришло в семнадцатом году. И что из этого получилось. Я просто как бы анализировала обстановку, и я считала, что Оранжевая революция – это лучше, чем Янукович. И тогда был такой всеобщий энтузиазм, и люди верили,

01:32

что может быть что-то еще, может быть что-то хорошее... Что Украина действительно пойдет по демократическому пути, очень этого хотелось, хотелось в Европу, хотелось демократии, поэтому как бы положительно...

Int.: ваши ожидания оправдались?

Inf.: ну, не совсем. Но, понимаете, как это, коррупция еще при Кучме появилась, началась, и все это, он мог это остановить. Хотя, вы знаете, когда был Кучма президентом, в Чернигов стали приезжать туристы-пенсионеры. А я, когда еще была студенткой в Ленинграде, я, просто, когда вот была в Эрмитаже или в каком-то другом музее в городе, также у меня было вообще абонемент на слушании лекции, я останавливалась и смотрела на пенсионерок, которых с ходунками или в креслах-колясках привозили на экскурсию. Это были иностранцы, и тогда я еще подумала: что, неужели у нас когда-нибудь такое будет, что наши бабушки в таком возрасте 70-80 лет и старше смогут себе позволить вот так вот ездить на экскурсию в Европу, еще вообще куда-то. И при Кучме стало приезжать в Чернигов огромное количество пенсионерок. Они могли себе позволить экскурсию в Чернигов. Но это не за граница, но, во всяком случае, понимаете, и я подумала, что вот в жизни все меняется в лучшую сторону, что это не вот так вот сразу вот, но постепенно, что это все очень сложно, но постепенно должно как-то измениться. Ну вот так, так что сказать, что ожидание полностью, – нет,

01:34

но, если бы не вот эта война, Украина была бы сейчас на несколько голов выше по своему промышленному состоянию, развитию, вообще это... Ведь представьте себе: гибнут лучшие, на мой взгляд, и столько теряется на производство. Столько всего, это. Я же видела, как люди, ну самые обычные люди, которые, быть может, в советское время просто сидели какими-нибудь слесарями или еще чего-нибудь, что, если у кого-то в голове есть, то могут развернуться как-то, что-то организовать, открыть новое производство. Пусть это какой-то незначительный, пусть это мелкий какой-то бизнес, но все равно, есть хоть какая-то возможность, какая-то перспектива чего-то. И потом я знала, что такое плановое хозяйство. Понимаете, я же экономист, я все понимала.

01:35

Int.: понятно.

Inf.: я понимала, что такое быть не должно. Я не знала, что будет, но так как жили раньше, я знала, что так жить нельзя. И потом у меня была книга такая «Плановое производство в Америке». Я не помню, как она мне даже попала, эта книга, я ее читала, я понимала, что мы живем не так.

Int.: как бы вы описали период президентства Януковича?

Inf.: сейчас я вам скажу. Дело в том, что Янукович влюбился вот в женщину, которая у него там работала или врачом или где-то врачом, и все отдал на откуп своему старшему сыну. И этот старший сын так устраивал просто ужасы,

01:36

он приезжал в какое-нибудь организованное, например, хозяйство и говорил: всё, ты тут больше не хозяин, ты тут нанят, а это уже будет мое. И вот у нас есть (неразб.) район, там черноземы такие, там, кстати, недавно поставили памятник несколько месяцев тому назад, обозначены памятник это, что там было еврейское кладбище, чтобы там застройку не делали, такой гранитной памятник, я вам покажу, у меня на телефоне есть. И сейчас, несмотря на то, что война, эти памятники сейчас ставят до сих пор. Вот, и они ездили, и отбирали на раз-два

любой бизнес, и никто не имел права слова сказать. И в Чернигове мы столкнулись с таким моментом: у нас была такая гостиница

01:37

«Профсоюзная», и у нас такая организация есть «Союз женщин Украины» черниговских, я была членом правления этой организации. Это вот на тему так антисемитизма, вообще. ЛА (неразб.) возглавляла медицинскую секцию. Вот она сейчас в Израиле, приехала в этом, в прошлом году в октябре. Ну, в общем, у нас там были такие отношения, и я бы сказала, высокие отношения, и столько мы всякой работы делали. И вот приехал Саша Янукович, сказал, что он забирает эту гостиницу, что он забирает гостиницы вокруг и что он еще забирает территорию района райбольницы, и вот тут, а это возле Десны и будут на Десне делать туристический комплекс. И там шли такие суды,

01:38

и я видела, что это ужас, что делается. И вот этот забранный бизнес был сплошь и рядом, где мало-мальски что-то было нормальное. А Янукович работал где-то до часу дня, если приезжал на работу, и уезжал, у него была любовь, он с этой любовью, кстати, уехал и в Россию. А жена, у него была, ну то извините, такая сельская гавка, вот, которая в период Оранжевой революции апельсинами бросалась. Вот, ну он такой, и она такая, собственно говоря. А он ее бросил, она в Крыму жила, где она сейчас, я не знаю, может... Ну, в общем, вот эти ужасы, которые стали твориться, я понимала, что это вообще, это кошмар.

01:39

Я уже думала, что надо как-то ехать, уезжать, действительно, вот тут у меня появились мысли, что надо уезжать...

Int.: то есть, было ощущение безысходности?

Inf.: да, было ощущение безысходности. И он же, понимаете, как, ему было не до чего, и когда вот студенты вышли на Майдан из-за того, что им не заплатили стипендию. Да ты, это ж вопрос на раз-два, сколько там тем студентам надо стипендии, реши, отдай, все будет тихо. Когда студенты вышли и когда это, и там в них стрелять стали или избивать их стали, и вот тогда уже поднялся весь Киев, а очень много студентов же из разных городов в Киеве училась, в общежитии дети жили, и тут уже стали приезжать мамы, папы из разных городов и на Майдан уже выходили. И все же знали и про Сашу Януковича,

01:40

и про вот эти все ужасы, просто. Ну, были, конечно, и люди, которых нанимали приезжать, были такие, пенсионеров собирают и в Киев везут, такое тоже было, но большинство выходило по зову сердца. Ну уже, понимаете, как, и, во-первых, и Оранжевая революция прошла бескровно, никто не думал, что тут кто-то применит оружие. Там, еще я вам скажу, не столько людей, там погибло меньше людей, чем сотня вот эта, там некоторых приписали, там были люди, которые занимались этими вопросами, там погибло меньше. Ну, вот то, что вот такое кровавое, конечно, получилось, это не знаю, с какой стороны кто начал раньше стрелять, кто позже. Сейчас уже, может быть, там и знают, как это все было организовано.

01:41

Но я, собственно говоря, не знаю, но это было безвыходное положение, потому что, как бы он уже довел страну до такого положения, не то что свобода слова, а вообще, уже это, когда, представляете, люди вложили жизни в этот бизнес, и у них приезжают, забирают, забирают лучшую землю, разоряют страну, по сути говоря, поэтому все понимали, что это, как это решать, понимаете. Ну вот Украина пошла по пути Майдана. Правильно это или неправильно, сказать трудно, это все очень сложно, неизвестно, а если бы не вышли? Я представляю, чтобы

сейчас было. Ну, то что она уже в составе России была бы, это понятно. Но понимаете, у Путина ж не только идея,

01:42

как бы, чтобы Украина вошла в состав, он же денационализацию, он же собирался украинцев убивать и вообще...

Int.: да, а вот, кстати, как вы думаете, какую он преследовал цель?

Inf.: он, понимаете как... Он, наверное, же понимал, вот тут еще, понимаете, как я еще думаю, что он не получил той информации по Украине, которая там была на самом деле, ему говорили то, что он хотел слышать. Он хотел войти в историю как основатель вот, как человек, который возвратил...

Int.: собиратель русских земель.

Inf.: собиратель земель русских, да. Ему начхать было на то, что происходит, и он понимал, что украинцы будут сопротивляться. Только он не думал, что в такой степени. И если бы ему вот это все удалось, очень много украинцев было бы уничтожено,

01:43

то, что было в 1939 году, повторилась по всей Украине.

Int.: с какими историческими событиями у вас ассоциируется эта война?

Inf.: со Второй мировой.

Int.: со Второй мировой?

Inf.: другого мнения быть не может, потому что, вы понимаете, что идет геноцид, это действительно геноцид. Я думаю, что меня уже как еврейку, может быть, не тронули бы, вот я так думаю, но то, что очень много убили бы украинцев... и украинцы сражаются, но там же не только украинцы, там люди разных национальностей. И там есть даже мальчик, который как бы воспитывался в нашей общине, будем говорить, потому что папа у него был ээк,

01:44

а мама еврейка. А мама украинская или русская, я не знаю. Ну, в общем, короче говоря, он у нас в детском клубе, потом молодежном клубе. Потом уехал в Израиль на оле и приезжал уже только в гости. И когда началась война, сейчас сражается. Вот так. Это то, что я этого мальчика знаю и переживаю за него.

Int.: считаете ли вы, что Путин хочет уничтожить Украину как государство?

Inf.: конечно. Безусловно. Тут двух мнений быть не может. Они просто не думали, как сказала эта Скабеева. Это... как же она так сказала... что они не думали, что 50 стран подпишутся за Украину. Ну, вот слово какое-то немножко другое, но смысл...

Int.: поддержат, в смысле.

Inf.: да, да, ну, они, конечно, не думали. Ну, а потом там с утра до вечера людям рассказывали, что тут нацисты,

01:45

что это самое бандеровцы. Понимаете, у Бандеры тоже своя судьба, он не положительный герой. Но то, что он сидел в лагере три года со своими братьями, два брата там погибли, это же о чем-то говорит. Он просто хотел, чтобы Украина была самостоятельной. Вот то, что он не руководил никакими этими группами, которые там...

Int.: ну, он-то нет, а вот вообще как-то...

Inf.: вот, знаете по поводу Шухевича, я думаю, что он причастен ко всем этим делам. Хотя нам сейчас рассказывают, что его мама спасала каких-то евреев, вот я не знаю. Может и спасала. Может, каких-то соседей, знаете оно... А может, и нет. Но я думаю, что во всяком случае, как рассказывает Долинский, один из руководителей еврейской общины Украины, что он имел непосредственное отношение к этому, что якобы он докладывал Геббельсу или Гитлеру

01:46

о том, что украинский еврейский вопрос во Львове решен. Но я не видела этих документов, это я могу только со слов Долинского рассказывать это все, вот как было на самом деле, я не знаю. Ну, я так считаю. Но это мое мнение, сугубо субъективное, потому что я не видела никаких документов. Возможно, да. А там была масса людей, которые украинцев, которые поддерживали, и этого дуче итальянского Муссолини, которые там с ним имели какие-то дела. Хотя у Муссолини любовницы практически все еврейки были, и сын от еврейки, которые воевал в СС. Так что, тут понимаете, что вам сказать, все так в мире перекручено, и так все...

01:47

И Муссолини, как человека со взглядами какими-то социалистическими, сделала еврейка из Чернигова Анжелика Балабанова.

Int.: Анжелика Балабанова, да.

Inf.: Она имела к нему непосредственное отношение. Хотя она, ну, там говорят, что они были любовниками, но она это отрицала. Но это, собственно говоря, неважно, не имеет значения, да. Во всяком случае, она в него вложила дай Боже. Ну вот как человек. Он был сельский учитель, который там, где-то, когда-то выступил.

Int.: а она еврейка-социалистка.

Inf.: а она еврейка

Она правда семья, там это получили... Они, по-моему, крестились, были крещеные евреи. Анжелика Исаковна... Она получила хорошее образование, в семье говорили на немецком языке, в общем там целая история...

01:48

Int.: а вот как вы считаете, личность Бандеры и его сподвижников нынешняя украинская пропаганда пытается обелить или там...

Int.: вы знаете, я думаю, что они пытаются... ну, Западная Украина, там вообще говорит, что он там просто был как бы проукраинским. Но он же, знаете, он же там и в Польше...

Int.: это да, он против поляков...

Inf.: он не против поляков, он за то, чтобы отделиться от Польши, и чтобы Украина была [независимой].

Int.: да, это понятно.

Inf.: понимаете, идея была проукраинская. Поэтому с ним как бы носятся. Но есть же типа Шухевича, понимаете. Капитан СС должен был иметь прямое отношение к уничтожению евреев и коммунистов и так далее. Даже если бы он этого, предположим, и не хотел, пусть бы у него были другие взгляды, ну, допустим, но все равно он не мог не участвовать в этом.

01:49

Я так думаю. Но не знаю, могу ошибаться. Ну, о нем не говорят как о сугубо положительном таком герое, о Бандере, не то, что говорят, что он белый и пушистый, нет. Ну, во всяком случае, объясняют. Нам же никто не объяснил. Как бы можно было говорить, что вот он был за самостийну Украину. Ни в советское время такое не могли сказать, ни в эпоху Горбачева. А потом 39-й год для Западной Украины – страшное время, просто страшное, собственно говоря, начинаешь понимать, почему они против советской власти, и так далее. И потом сколько председателей колхозов с Украины восточной туда отправили для организации колхозов, сколько их там убили,

01:50

потому что никто не хотел в колхозы идти. Какие колхозы! Не то что я оправдываю, понимаете, нет такого вот, белое и черное, оно всегда что-то есть, вот так же, как вот праведники, да? Есть такие, кто безвозмездно прятал евреев. А есть такие, кто за деньги. Да.

Мне рассказывал SGB, он летел в Америку, там какой-то был не съезд или какой-то семинар, в общем, там были евреи и один уже в возрасте был еврей и он с Западной Украины был. Я уже не помню, из какого города, и его прятала украинская семья. Они забрали все ювелирные украшения,

01:51

которые были, ну, в общем, все что было, забрали, но они прятали. И, когда уже пришла Красная армия, то, в общем, они остались живы, и идет, он еще был маленьким мальчиком, идет он со своей мамой и встречает эту женщину, которая прятала, и он маме говорит: мама, посмотри на ней твое кольцо! И эта женщина останавливается и начинает снимать это кольцо, чтобы отдать. А мама говорит: не надо отдавать, вы заработали. Понимаете? Так что все по-разному.

Int.: возвращаясь к политическим событиям того времени, когда Россия присоединила Крым, что вы при этом думали, что чувствовали?

01:52

Inf.: вы знаете, во-первых, когда присоединяли Крым, часть территории Украины передали России. Вот, например, часть Брянской области – это была Украина, это то, что я знаю однозначно, и какие-то еще территории. И сам факт, что забрали территорию, я поняла, что это фашизм. И когда вот говорят о Навальном, Навальный тоже сказал «Крым наш», и я от Навального ничего хорошего не жду абсолютно. Вот он сидит, там, да... Ну, вот он смелый человек, что он вернулся, да, тут я бесспорно, тут разговора нет, я бы не вернулась, но ничего от него хорошего не жду. И вообще, у всех, кто там у власти, там не на кого... Я не вижу там перспективы никакой.

01:53

Int.: нет, я имею в виду сам факт.

Inf.: Сам факт – я поняла, что это начало фашизма. Это фашизм, это начало.

Int.: ну, вы еще не думали, что это... думали ли вы или нет, что это...

Inf.: что будет продолжение?

Int.: да, что это может вылиться в войну? Или нет?

Inf.: нет, вот этого я не думала. Я думала, что Россия заберет часть территории и успокоится. И, знаете, при ком? При Ющенко, по-моему, было принято решение о том, чтобы сдать в аренду на какое-то количество лет Севастополь под военную базу. И в тот момент я тоже думала, что ничего страшного, подумаешь, деньги заработает на этом деле. Не надо было этого делать.

01:54

Тогда бы, может, и не было бы Крыма. Вот вам роль личности в истории. Вот и не было бы дальше дальнейшей войны. Ну и потом... Понимаете, когда был Кучма и Кравчук руководителями страны, у них был в мире определенный авторитет, особенно у Кучмы. Вот, и надо было Кучме оставаться дальше. Надо было Кучме дальше оставаться. Он, правда, тогда сказал: вы еще узнаете, что такое Украина обеспечивает.

Int.: ну, Украина демократическая страна.

Inf.: да, демократическая страна, разговора нет. Это я уже сейчас так думаю, он своим авторитетом... Кто такой был Путин по сравнению с Кучмой? Мальчик на побегушках.

01:55

Int.: а как вы считаете, вот, на этих восточных территориях, на востоке Украины – Донецк, Луганск, были ли там какие-то сепаратистские настроения или нет?

Inf.: вы знаете, я думаю, что эти настроения были созданы, потому что я там была, сейчас я вам скажу, в каком... 87 году в Донецке, на курсах повышения квалификации. Даже вообще, я там месяц, мы там жили, и даже мысли не было, что там какие-то другие отношения.

Донецк даже в 87 году был цветущим городом. Миллион высаженных роз, великолепный театр оперы и балета, цирк, в кинотеатрах шли фильмы, которые, ну, вот, я помню, это «Легенда о Нараяме» шла, она еще нигде не шла, она шла в Донецке.

01:56

Единственное, что ходили не очень хорошо одетые женщины, но в бриллиантах. В Советском Союзе трудно было что-либо достать, деньги-то у них были, шахтеры очень хорошо зарабатывали. Но дело в том, что тут еще, знаете, такой момент, что шахты были на закрытии, они практически были все использованы, и, может быть, поэтому там уже люди чувствовали, что что-то не так, или... ну, вот все-таки промышленный город. Тогда были задолженности по зарплате, иногда даже искусственные, потому что, я помню, как меня вызвал директор и говорил, вот, во всем городе в это не вовремя выплачивают зарплату, одни мы вовремя. Вот надо это... я начальником отдела труда и зарплата была, вот надо сделать.

01:57

Я говорю, ну, хорошо...

Int.: скажите, а что там, в этих областях, там были пророссийские настроения или нет?

Inf.: вы знаете, я думаю, что там пророссийские настроения были такие же, как и в Чернигове. Чернигов – русскоязычный город, Харьков – русскоязычный город. И вообще, это как-то... Просто ввели войска, сделали определенную агитацию, людей же можно, я же вот вам рассказывала, вот как я беседу провела вот с этим товарищем, который рассказывал, что Янукович наш, а Порошенко ваш. Извините, надо быть придурком. А он не то чтобы там работяга, какой-то, у него там техникум, по-моему, но, во всяком случае, он работал где-то то ли мастером, то ли вот... Да если, как говорится, человеку сделали такое доброе дело, вывезли тебя, с такой болезнью тебе диализ делают регулярно, бесплатно,

01:58

тебя кормят, поят, одевают, обувают, и ты вот так себя ведешь, ты рассказываешь, что тут плохо. Где тебе сделают так хорошо, между нами, говоря? Он же самый обычный, он же, как говорится, вышли из народа, не то что он там какой-то... Я думаю, вы знаете, при определенной агитации можно кого угодно уговорить, на что угодно, на что угодно. Я вам скажу, у меня есть родственники в Москве, никто из них даже не позвонил и не спросил, как я.

Int.: кстати, вам приходилось с кем-то говорить из России?

Inf.: ну, вот здесь приходилось, но я очень болезненно все это воспринимаю. И вот даже вот совсем недавно

01:59

я была в клубе, и там была женщина из Ялты, и я уже не помню, о чем зашел разговор. Ну, тоже что-то о войне. Я ей стала рассказывать, вот этот эпизод, как я лежала на земле и как меня бомбил самолет. Она говорит: так это же украинский самолет. Все, весь разговор. Понимаете, да можно сагитировать кого угодно на что угодно, и она неглупая женщина, такая добрая и все. Вот я ей рассказывала, что у меня вот брату должны сделать операцию, вот и она... Я пришла вчера, она спросила, как и что, ну, знаете. Ну, и она же не русская женщина, она еврейка, евреи, вообще, знаете, наверное, генофонд у нас такой. Мы, у нас мы остро ощущаем чужую боль.

02:00

Я не знаю такого народа, который бы так остро это ощущал, и она должна была это как-то почувствовать. Но нет.

Int.: я тогда вам задам несколько личных вопросов о вашей семье, вот, в частности о том, соблюдалась ли в вашей семье еврейские традиции, с какого времени.

Inf.: сейчас я вам это скажу. Мы никогда не ели мясной борщ со сметаной. У нас каждую пятницу была если не фаршированная рыба, то какое-то еврейское блюдо, и бабушка всегда

пекла пироги и потом разносила их всем нашим одиноким родственникам, даже тем, которые моложе ее.

02:01

И я все говорила: бабушка, в конце концов сами придут. Она вот такой огромный таз пекла. Ну, я знала, что есть такой праздник, как Песах, что едят мацу, папа рассказывал о празднике Симха Тора, как он маленький в синагоге. Он родился в городе в 30 километров от Чернигова. У них была, городок был небольшой, но у них была еврейская община, там было где-то 900 человек чистокровных евреев. А его отец, там не колхоз был, работал в колхозе что-то с лошадьми было связано, и еще он был забойщиком скота, он умел правильно это сделать. Его приглашали и еврейские семьи,

02:02

и украинские, и русские, чтобы он вот это делал. У меня папа правильно резал курицу, так, как положено, правда, это все переживали, тогда еще кур живых продавали в городе на рынке, я уходила в дальнюю комнату, чтобы не видеть. Я знаю, что он делал это правильно, как положено. Хотя началась война, ему было 16 лет, у него очень тяжелая судьба, его сестер это вообще, книгу писать можно вот. Так что я имела какое-то вот представление. Да, я знала, что нельзя есть одновременно мясное и молочное, это у нас соблюдалось, не знала почему, вот так было.

Int.: вам не объясняли смысл?

Inf.: мне не объясняли смысл.

Int.: когда у вас стал проявляться интерес к еврейству?

02:03

Inf.: ну, вы знаете, я еще когда была студенткой, у меня было абонемент в Эрмитаж. И я видела все эти картины на библейские сюжеты. Я только тогда поняла, что это евреи. Вы знаете, я была в Лувре, и у наш экскурсовод, она из России была, подвела к картине «Юдифь с головой Олоферна» и говорит: это палестинская женщина. Там была семья из Ленинграда, еврейская и я, мы на неё так набросились, она сказала: они там все одинаковые. Представляете, да? В общем, короче говоря, там и мы уже собрались на нее даже жалобу писать, и она от нас удрала, она удрала с половины экскурсии.

Int.: ничего себе! Как интересно!

Int.: это было не так давно, это было лет шесть тому назад.

02:04

Вот, ну, в общем, понимаете, я была в шоке. Ну, во-первых, я уже как бы в Ленинграде, и мне первые годы нам не давали общежитие. Я жила на квартире, у меня была хозяйка винницкая еврейка, она мне все говорила: сходи в синагогу. Да, вот сходи. Я знаю, что она ходила, там мацу покупала в советское время, но я все-таки не дошла. Ну, не то воспитание, наверное, было. А потом, уже 89 году, у нас стал организовываться еврейский культурный центр, и вот жена моего брата Ира, ее папа был одним из организаторов этого центра, и ТТА,

02:05

директор нашей двадцатой школы, она уже была на пенсии, она одевала свой орден Ленина, и они вдвоем шли в горисполком, вот дабы им не отказали. Это я вам рассказываю, как оно есть, они вдвоем. Он тоже был учителем и потом директором школы, и вот они вдвоем шли, он директор вечерней школы был, и они вот шли организовывать еврейский культурный центр. Так что вот тут, понимаете, как антисемитизм, и вот и такие вот вещи, это как вам сказать, все, все есть, нет белого и черного. Вот, и потом у нас уже организовался еврейский центр, потом еврейская община, мы праздновали общиной все праздники. Вот у нас была организация такая женская «Магиновот».

02:06

Вот и в общем мы тоже, приходила помощь гуманитарная, мы составляли списки, ну, это IDL во главе этого стояла, я еще тогда была членом общины и как бы еще далека немножко. Ну как, я приходила там, на всякие мероприятия, мы там литературные какие-то вечера готовили, я помню, по Эренбургу, какое-то, что-то готовила, какой-то материал, вот, и... Ну, в общем, уже вот тогда, я услышала, слово «благотворительность», не то что я его не знала, просто в советское время...

Int.: ругательным словом было.

Inf.: да, это почти было ругательным, это считалось, что человек слабый.

Int.: а вы возглавляли это общину или просто?

Inf.: возглавляла. Да, но мало.

Int.: с какого года?

Inf.: Мало. SG.

02:07

уехал, Б., в этом... сейчас я вам скажу, в двадцатом году уехал, и вот после него, собственно говоря, немного директором благотворительного фонда я была почти 20 лет.

Int.: а, «Хесед», это он и есть?

Inf.: да, да. Благотворительный еврейский фонд. Он назывался у нас «Хесед Бестэ».

Int.: вы просто были членом этого фонда?

Inf.: нет, я была директором фонда. Я была членом правления. Каждый фонд имел правление. И это была как бы правление, это была общественная организация при фонде, и мы были как бы одними из как бы как бы, не соавторов, как бы сказать, это основателей фонда, надо было, учредителей фонда. Я была, когда еще работала экономистом, начальником отдела в облтеплокоммунэнерго...

02:08

Int.: это была ваша общественная деятельность.

Inf.: да, это была общественная работа. А потом уже директором благотворительного фонда с 2002 года. Мне было сложно, потому что я была далека от всего этого, вот я училась это на курсах повышения квалификации при Киево-Могилянской академии по социальной работе, потом при Ленинградском институте социальных работников. Ничего так просто не дается.

Int.: вы оказывали материальную помощь? В чем заключалась эта помощь?

Inf.: сейчас я вам расскажу. У нас были такие программы, значит, программа ухода на дому, программа «прокат реабилитационного оборудования», программа «макет» - оказывали бытовые услуги, потом у нас программа питания была вот, это были пакеты и столовая, потом столовая. Уже стало меньше людей, столовой не было.

02:09

Вот потом это у нас была общинная программа, это клубная работа была. У нас при клубе был театр, который получил звание народного, там были танцевальные кружки, кукольный театр, много чего было.

Int.: а откуда финансирование шло?

Inf.: из «Джойнта».

Int.: да, «Джойнта». Первое время был (неразб.). У нас был хор еще, мужской, хор ездил на гастроли на Урал. Ну, у него был еврейский репертуар.

Int.: скажите, а когда началась война, чем занимался ваш фонд?

Inf.: Ну вот я вам скажу, что первое время я, по сути говоря, 20 дней была только во время войны. Мы старались, мы обзванивали,

02:10

мы организовывали программу ухода на дому, это было сложно, понимаете, кто к кому мог попасть, узнать, кто уехал, кто не уехал. Некоторые знали и забрали своих родителей раньше. Звонили из Израиля и говорили, что они не могут до мамы дозвониться и вы должны найти, а мы не могли из дома выйти, понимаете? Они не понимали, что там происходит, ну и так и потом получилось, так как-то в синагогу как-то приезжали, у них был бензин, и попадало какое-то количество еды, и старались распределить эту еду. Они у нас спрашивали: вот кому вот действительно очень надо, ну как-то вместе получилось вот так вот работать. Ну а потом уже, когда

02:11

Чернигов вышел из кольца, тут уже пошло всё это, уже программа ухода на дому уже была организована и практически так, как она была до войны. Хотя бомбили, но уже не так, как было во время войны. Вот и продукты, и гуманитарная помощь шла. Ну, в общем, короче говоря, сейчас фонд работает практически, ну нет общинных программ... Ну как там, есть немножечко в онлайн, мы организовывали перед войной программу «Давай подключимся» каждому члену, кто, ну как бы в здравом уме, давали телефоны, по телефону, чтобы можно было организовывать разные там лекции, какие-то мероприятия. Вот мы буквально перед войной раздали эти телефоны. Ну вот сейчас что-то пытаются сделать то,

02:12

что перед войной, хотя там тоже сейчас в Черниговской области бомбят, на сам Чернигов вроде пока бомбы не падали, но тревоги постоянно. Потому что, когда летит вот по области, сейчас очень много попадает...

Int.: какие-то случаи вам запомнились в период вашей работы в этом фонде?

Inf.: вы знаете, как? Как-то, когда в советское время работали, вот практически каждый раз было одно и то же. Из года в год все это, а тут постоянно были какие-то новшества, вы знаете, постоянно изменялась система. И порой даже сотрудниками какие-то штыки встречалась, а потом я говорила, все равно нам придется это делать. Вы недовольны, но все равно придется, и вот постоянно

02:13

жили как бы в таком переменном обществе, но... Ой, вы знаете, да случаи разные были, и хорошие, и плохие, по-всякому было. Вот иногда приходили люди и говорили, у которых есть дети в других городах, вы же знаете, что вы у нас одни, только на вас мы можем опереться. Вот я, когда уехала, я знаете, как себя чувствую? Вроде я всех предала, было такое ощущение. Я понимала, что в то время ничего не могла сделать. Может быть, я бы и осталась, но мне звонили каждый день отсюда.

Int.: что вас подвигло уехать?

Inf.: ну, вот звонили каждый день отсюда.

Int.: и говорили: приезжай.

Inf.: да. Что мы тебя ждем, приезжай, и все. И было страшно,

02:14

знаете, как страшно, особенно, вот когда я, когда бомбили, когда я упала на землю, я такого страха за всю свою жизнь не испытывала. В жизни всякое было, знаете, уже жизнь, можно сказать, что прожита. Это такое было чувство страха, может, если бы я не попала под эту бомбежку, может, и не уехала.

Int.: то есть, вы говорили, что даже не помните, как вы упали, да?

Inf.: да, я не знаю, как я упала. Я услышала взрыв и упала. И как я переступила с асфальта на клумбу, я тоже не знаю, что я упала на землю. Я не знаю, я не помню, это так вот, знаете, как-то просто вот механически. Я не знала...

Int.: то есть, вы просто очнулись на земле?

Inf.: да, я очнулась на земле и стала думать, я жива или нет, и целая я или не целая. Вот я ощутила руки, ноги, всё, это самое, так подвигала немного и смотрю,

02:15

что я вроде бы как целая, но вторая мысль у меня была, что, если он вернётся и начнёт бомбить где-то здесь, что меня могут убить здесь.

Int.: скажите, а кто-нибудь из ваших знакомых, друзей, родственников или подопечных...

Inf.: погиб? Да. Я вам расскажу. У нас был малолетний узник VPВ. У него мама была еврейка, папа был украинец. Когда вошли немцы, они были в Чернигове. Маму тут же отправили в какое-то село к каким-то родственникам, ее там прятали. А дети остались в Чернигове, два мальчика – В. и В., и недалеко от них жил немецкий майор. И потом их перепрятывали к родственникам каким-то другим, но уже в Чернигове

02:16

этих детей. Ну, я не знаю, каким-то образом этому майору донесли, а их отец, он был такой с хорошими руками, и он как-то, этот майор немецкий обращался к нему, и он ему помогал, что ему оставалось делать, когда дети тут, детей могли убить. Вот, в общем, короче говоря, майор этот так и не продал. Дети остались живы. А когда наши пришли, уже, то на их отца донесли, и его посадили. Донесли, что он с этим майором сотрудничал. Никому даже не пришло в голову, что он спасал своих детей и свою

02:17

жену, будем говорить так. И вот этот VPВ, значит, он был малолетним узником, очень хороший человек, хороший специалист, но он уже на пенсии был, ему уже лет 85 было, по-моему, он, по-моему, 35 года, и в день Холокоста, 27 января, мне позвонили с радио и говорят, вот кто-то из узников может дать интервью? Я ему звоню, говорю, VP, за тобой приедут, ты там дай интервью. А утром в 7 утра или 8 утра он давал интервью 27 января. И в этот день у нас был митинг на могиле расстрелянных евреев, и он пришел туда со своим сыном, но холодно было очень, не так много людей пришло, и там все выступали. Такой вот митинг был, знаете, как бы домашний,

02:18

каждый выходил и говорил все, что думал, все, что хотел. Я ему еще говорю: VP, ты что-нибудь скажешь? А он говорит: да я уже так наговорился сегодня, что я уже сегодня говорить не буду. И во время вот этой начавшейся войны он с женой вышел из дома, и началась бомбежка. Жена упала, а он не сориентировался и остался стоять. В общем, короче говоря, его убило. Это вот так вот, из таких близких людей, которых я хорошо знала. Потом я знаю, еще гибли люди, но это я уже уехала. Я знаю, что у одной моей сотрудницы у мужа дом полностью разбомбили полностью, не осталось вообще камня на камне, не осталось вот.

02:19

Ну, у меня там чепуха на балконе, окна повывлетали, потому что вышка телевизионная рядом, они, это снаряды летели в вышку. А я недалеко живу. Вот тогда попали в этот дом, о котором я вам говорила. И это, у многих крыши повредила, вот YAB, мы с ним вместе работали в теплокоммунэнерго, он в Израиле уже живет, он раньше еще уехал, и у него там дом остался, он на лето приезжал. Он очень любит Чернигов, любит свой дом, знаете, тут на квартире живут, вместе с детьми, и он приезжал каждое лето. И тут ему звонят и говорят, что там крышу снесло, и он я знаю, в июне поехал. Там стекла вставлял, ставни какие-то делал, ну, чтобы закрыть этот дом.

02:20

Ну и приехал вот 18 октября. Я ему еще говорю ты хоть одно платье мое привези, вот, потому что, говорю, у меня все украли из посылки, всю одежду.

Int.: как вы считаете, русский язык уйдёт из Украины?

Inf.: да.

Л.: уже ушел.

Inf.: я вам скажу такую вещь: у нас же фонде все говорили на русском языке, ну, и евреи, которые приходили тоже. Ну, русскоязычное население. И когда я экскурсии вела для бабушек, не только еврейских. А вообще, я вела на русском языке. Ну, даже вообще и разговора не было...

Int.: вы знаете и украинский, и русский?

Inf.: да, да.

Int.: в равной степени?

Inf.: нет, русский я знаю лучше, потому что я на русском думаю. Но когда я уезжала, я ездила на Западную Украину, я там в санаторий ездила,

02:21

вот, я, когда ехала, я уже назад через 20 дней, я уже думала по-украински и говорила по-украински. Как только я переступала порог, выходила из поезда в Киеве, всё уходило. И потом, понимаете, если мне вести экскурсию, то я, так, мне подбирать слова надо, потому что как бы текст не то что он заученный, но уже как бы я уже за столько лет привыкла вот, а когда какие-то там мероприятия мы проводили, еще что-то, то я говорила по-украински как бы это нормально, хотя у нас, знаете, как у нас, на День независимости Украины делали такие праздники: каждая национальная культура представляла, во-первых, свои номера какие-то культурные,

02:22

делали блюда разные, кухни. Мы всегда выставлялись с фаршированной рыбой. Я из мацы делала торт, было 3-4 вида форшмака, и все делали по-разному форшмак.

Л.: а мацу как разбирали!

Inf.: а мацу как разбирали, особенно, когда ходили эти там танцевальные украинские коллективы были в этих украинских шароварах, вышитых сорочках и с мацой, это надо было вообще видеть! Ну, понимаете, как как-то вместе, и там же и цыгане, азербайджанцы, армяне, грузины.

Л.: у нас даже корейцы были.

Inf.: да, корейцы, да, белорусы, немецкое общество.

Л.: как ты мы жили дружно.

Inf.: нормально. Я вам скажу, что прошлом году на День Независимости мы еще собрали руководителей

02:23

всех общин, и гуляли еще отдельно. И приехал цыганский барон, у него правнук родился, так там вообще гульба была по полной программе. И знаете, у цыган же вообще тоже страшная судьба. И в Чернигове тоже там такие вещи творили, что я вам передать не могу. Там митинг был на могиле расстрелянных цыган, они очень хороший памятник сделали, и я просто, знаете, не пойдёшь же на этот митинг, во-первых, надо что-то говорить, значит, надо готовиться. Вот, и я, когда влезла [в тему], что делали с цыганами, то же, что с евреями, еще и похуже. Там пришли на цыганскую свадьбу, жениха и невесту связали проволокой, пропустили через щеки, вот, а потом расстреляли, и всю эту свадьбу расстреляли.

02:24

Это только вот один такой эпизод, но они просто такой народ, знаете, как-то они об этом не вспоминают. Ну вот. Но к нам на митинги приходили, вот на месте расстрела евреев. Я же тогда ходила она все наши праздники, первые приходили цыгане, разные приходили. А цыганский барон какой! Как родной человек!

Int.: как вы думаете, сколько эта война может продлиться и чем она может закончиться?

Inf.: я думаю, что это будет победа Украины и всего мира. Украина ведь защищает не только себя, она защищает сейчас весь мир,

Л.: и все это начинают понимать, потому что следующая будет Польша.

02:25

Inf.: да, если Украина, Прибалтика, Польша...

Int.: то есть, вы считаете, что он не остановится на Украине?

Inf.: если он победит, то да. Он не сразу, он переждет, он сделает это современное оружие. Пусть сам не сделает, так украдет, это, как как его делать, как он украл атомную бомбу, чертежи к атомной бомбе. Потому что не в России это, извините. Украдено было в США.

Int.: да, конечно.

Л.: сами не сделают, но украсть – украдут. Чтобы сделать атомную бомбу, не надо было расстреливать физиков (неразб.). Умных людей, умными людьми править сложнее.

Inf.: а сколько таких людей в ГУЛАГе погибло!

02:26

Там же эти были конструкторские бюро, где сидели...

Int.: шарашки.

Inf.: шарашки, да.

Л.: начиная с Королева.

Inf.: страшная страна, вот так вот, если подумать, морально убили страну. Ведь был в России неплохой генофонд. Все, кто мог, уехал вот в семнадцатом году уехали, там это в Ютубе там офицеры какие-то написали, что офицерская честь российская и так далее. Вы знаете, я не выдержала, я им написала, что последний офицер с честью уехал в 1921 году с территории России, и уже потом никто из офицеров не знал, не знает, что такое офицерская честь.

Int.: ну, ладно...

Л.: нам, историкам, очень видно было.

Int.: философский пароход. Спасибо вам большое за то, что вы мне уделили внимание.

[конец записи]